

Виктория Анкай



ОБЩИНА

Не введи во искушение...

# Виктория Анкай

## Община. Не введи во искушение

<https://litres.ru/74205369>

### Аннотация

Тяжёлый развод, перечеркнувший двадцать лет вполне счастливого брака, внезапное одиночество, депрессия на фоне происходящего...

Я отчаянно молилась о том, чтобы всё в моей жизни стало иначе. И Бог внял моим молитвам - я снова вышла замуж и обрела семью.

Но...

Чёрт побери, я совсем не этого хотела! Не здесь, не так и не с теми...

**ВНИМАНИЕ!!!**

#альтернативная\_Россия #мирская\_грязь и  
сцены\_секса\_спорного\_характера

Все герои, их образ жизни и порядки всецело выдуманы автором и не имеют ничего общего с реальностью!

Содержит сцены курения и употребления алкоголя, наркотических веществ нет!

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| *1*                               | 4   |
| *2*                               | 16  |
| *3*                               | 26  |
| *4*                               | 37  |
| *5*                               | 49  |
| *6*                               | 59  |
| *7*                               | 69  |
| *8*                               | 81  |
| *9*                               | 97  |
| *10*                              | 108 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 109 |

Лучи полуденного солнца дотягивались даже сюда, до распахнутых кухонных окон, расположенных с северной стороны. Скользили солнечными зайчиками по гуляющим от летнего ветерка шторкам, грели подоконник, отбрасывали невесомые тени на наличники...

Я распрямила спину. Сдула с лица прилипшую прядь волос - жарко невыносимо. С раздражением бросила взгляд на настенные часы - ещё даже не полдень, а я уже устала так, что готова распластаться прямо на полу и просто лежать, блаженно глядя в потолок. Зачем я, спрашивается, решила сегодня связаться с тестом и затеять пироги? Да, Савка говорил о том, что прежде мама каждые выходные готовила выпечку, но я-то куда? Мне оно зачем? Сварила бы лучше макароны и не парилась...

Мне очень не хватало Лизы. Её бесценной помощи, советов, объяснений, да просто общения даже! Но положенный срок вышел, и девушка снова стала посещать летний лагерь вместе с братом и младшей сестрой. Лука не видел необходимости держать дочь вдали от сверстников, хотя я подозревала, что он просто побаивался моего влияния на неё - Лиза последние дни стала гораздо веселее, смелее и, кажется, более открытой. И смеялась чаще, не пряча искреннюю радость за внешней чопрностью... Нет, она всё также почти-

тельно опускала глаза при виде отца, но взгляд будто стал более выразительным и дерзким.

И Лука наверняка заметил эти незначительные перемены...

Страхнула муку с ладоней. Открыла кран, тщательно вымыла руки, с наслаждением несколько раз ополоснула лицо холодной водой. Тут же набрала полный стакан, опустошила жадными глотками...

Душно.

Лука говорил, по прогнозу вечером гроза будет...

Повернулась к столу. Уныло заглянула в тетрадь, за прошедшую неделю изрядно пополнившуюся молитвами, написанными ровным лаконичным мужским почерком.

Так, где я там остановилась...

...Исправи иных развращение и жизнь, не согласную благочестию, сотвори, да вси свято и непорочно поживем...

Прикрыла глаза, борясь с привычным раздражением. Обречённо выдохнула - я никогда этого не zapomню...

\*\*\*

Несмотря на то, что в дневное время суток в доме больше никого не было, я чувствовала себя воровкой, торопливо приближаясь к кабинету Луки. Бесшумно преодолела последние метры, остановилась перед нужной дверью, уже по привычке стараясь не обращать внимания на висевшие в коридоре иконы...

Догадывается ли муж, что рано или поздно я должна была

прийти сюда не только ради того, чтобы вымыть полы, но и для того, чтобы взять свой телефон?

Хочется верить, что нет. Но, скорее всего, да...

Впрочем, мне всё равно.

Решительно повернула ручку, вошла в просторную комнату, заставленную стеллажами с церковными книгами. Прокралась мимо шкафа с праздничными и повседневными ризами и прочими одеждами, миновала комод с какими-то рукописными текстами и документами. Неуверенно притормозила, поджала губы, старательно расправляя складки тяжёлых тёмных штор на окне - Лука обычно просто раздвигает их утром, совершенно не заботясь о том, чтобы было красиво. Нервно бросила взгляд в окно на всякий случай...

Отвернувшись. Неторопливо направилась к массивному дубовому столу, покрытому тёмным лаком...

По пути задвинула стул, аккуратно переложив компьютерную мышку, поставила в органайзер лежавшую рядом ручку. Словно пыталась избавиться от смутного чувства вины и оправдать своё присутствие в этой комнате...

Наконец решительно выдвинула верхний ящик. Схватила лежащий на самом верху телефон, мысленно благодаря Бога за то, что Лука до сих пор не убрал его куда-то в другое место. Быстрым шагом покинула кабинет.

Лишь вернувшись на кухню, выдохнула от облегчения, прислушиваясь к постепенно успокаивающемуся стуку собственного сердца. Плюхнулась на стул, нажимая кнопку

включения гаджета и с нетерпением ожидая, когда загорится экран. Снова мельком бросила взгляд во двор, вытащила из пачки сигарету, с наслаждением прикурила прямо тут, в помещении - всё равно окна открыты и вытяжка включена. Почти расслабилась, заглушая отголоски совести...

Телефон ожил. Надо же - даже заряд батареи почти полный...

Наконец ввела пароль, откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу, принимая максимально комфортную позу - моё законное время отдыха, которое я презентовала сама себе, пока пекутся пироги...

Несколько звонков от Марьяны. Смс-ка от мамы - ей, похоже, тоже доложили о том, что её дочь "совсем спятила и ударилась во все тяжкие". Похер, потом отвечу.

От Глеба... Ничего.

Точнее, было что-то, но сообщение удалено. Им самим. Наверное, потому что я вовремя не ответила...

Разочарованно вздохнула, делая затяжку. Закусила губу, борясь с желанием написать ему прямо сейчас...

Конечно, мы неплохо пообщались в последний раз. Но до этого бывший муж несколько месяцев игнорил мои звонки и слезливые сообщения. Возможно, продолжит это делать и теперь...

Но ведь не узнаешь, если не попробуешь, верно?!

Слишком сильно хочется попробовать...

В два вдоха докурила сигарету, торопливо затушила её в

чашку с остатками кофе. От расслабленной позы не осталось и следа - сосредоточенно села по струнке, склонилась над согревшимся от тепла моих ладоней телефоном...

"Привет. Вот пишу, чтобы вы там не думали, что я пропала" и стандартный улыбающийся смайлик.

Перечитала, прежде чем отправить. Почему-то улыбнулась собственным ощущениям - так тепло на душе сразу... Будто издалека кокетничаю с бывшим...

Немного расслабилась. Снова потянулась за сигаретой, прикурила.

Всё-таки добавила к смайлу дежурный поцелуйчик, сразу нажала стрелку. Полюбовалась уже отправленным сообщением, лаконично продолжившим предыдущую переписку, чувствуя, как сердце заходится истошным адреналиновым ритмом... Вышла из сети.

Наверное, теперь я наконец поймала то долгожданное иллюзорное ощущение, что мы с Глебом снова равны в весовых категориях. Он женат, я замужем. Одинаково! Неважно, что он ушёл от меня к другой женщине в здравом уме и твердой памяти и счастлив со своей Оксанкой, а я от отчаяния набросилась на первого попавшегося мужика и ненавижу собственную жизнь... Это не считается! В целом мы практически равны.

Да ведь?..

Да.

Привычно пробежалась по всем соцсетям, полистала лен-



ту новостей, зашла на любимый маркетплейс... Со вздохом поморщилась - заказанные когда-то в прошлой жизни товары не дождались меня в ПВЗ, и их уже отправили обратно. Ещё и денег за возврат с меня содрали... Эх.

Шмыгнула носом, просматривая собственную корзину - как же я соскучилась по всем этим до боли привычным действиям...

В памяти услужливо всплыл неказистый старый каменный дом, расположенный на въезде в деревню. Длинное и низкое строение, бывший дом культуры, потом коровник, теперь отремонтированный местный "деловой центр", где с разных сторон располагались отделения почты, банка и ещё чего-то там, а на углу, со стороны дороги, прямо над невысокой дверью висела дорогая сердцу вывеска пункта выдачи. Отсюда не больше двух километров...

Прикусила губу, ощущая очередной хмельной взрыв нездорового адреналина. Снова пробежалась глазами по отложенной в корзине одежде - вот этот набор чёрных кружевных трусов мне явно не помешает. Так и быть, Лука даже не узнает - при нём я буду носить только то больё, что он сам мне купил. И лифчик красивый со стрепами я давно хотела выкупить - его можно надевать хотя бы перед выходом в деревню, ибо дефилировать здесь всё равно больше негде. И обувь мне срочно требуется - балетки выглядят так, будто я в них три года отходила! И халат надо приобрести - всё равно по утрам дома никого нет, а мне в нём будет гораздо удобнее.

Господи, и хоть одно платье приличное можно выбрать... Вот это, например - спортивное, с капюшоном и карманом-кенгуру, даже с небольшими разрезами по бокам - они исключительно для удобства ходьбы...

Настроение не просто поднялось на несколько пунктов. Оно буквально рвалось ввысь, заглушая отголоски здравого смысла эйфорией данного момента - у меня в руках мой телефон, мы переписываемся с Глебом, я снова могу совершать онлайн-покупки... Я никогда прежде даже не задумывалась о том, какое же это счастье - иметь столько возможностей! И сейчас происходящее живительным бальзамом обезбаливало сердце...

Конечно, собственные деньги стоило экономить - вряд ли теперь Глеб станет оказывать мне какую бы то ни было материальную поддержку. Но кое-что точно можно потратить из оставшей суммы на карте...

В процессе этой самой экономии едва не проворонила пироги - они получились очень румяные, да. Зато я заказала всё, что хотела. Нашла в интернете название улицы и номер дома, изменила адрес доставки, ничуть не расстроившись тем фактом, что большинство заказов будут ехать сюда неделю. Да хоть две! Всяко лучше, чем ничего...

Мимоходом следила за временем - скоро выходить из дома, а я даже не собрала мужу сумку с обедом. Впрочем, успеется...

Напоследок ещё раз заглянула в сообщения - Глеб пока

не заходил.

С сожалением выключила телефон. Отнесла его обратно Луке в кабинет, уже зная наверняка, что завтра возьму его снова...

Вернулась в кухню. Обжигая пальцы и тихо матерясь сквозь зубы, вытащила из духовки противень, принялась топорливо заворачивать каждый горячий пирожок в салфетку - вдруг Лука надумает угостить кого-то из мужиков моей "стряпнёй", мать его...

Опаздывать не хотелось, но пришлось - вышла из дома на полчаса позже обычного времени. Неприятное ощущение того, что я в очередной раз подвела уважаемого супруга, слегка напрягало. А в совокупности с поднывающей совестью и всполохами чувства вины за своеобразный обман весьма раздражало - снова будут убийственно-обвиняющие взгляды исподлобья, внеочередная молитва в осточертевшей тетрадке, нравоучительные беседы после ужина, от которых в прямом смысле сводит зубы...

\*\*\*

Ворота рабочей территории привычно оказались открыты.

За прошедшие дни я уже привыкла к мимолётным взглядам автослесарей и токарей - знала, кто из них точно приветливо поздоровается, кто просто кивнёт из вежливости, кто презрительно отвернёт голову и сплюнет на землю... Примерно научилась определять, кто из мужиков является чле-

ном общины (заросшие бородой суровые лица и льняные рубахи с закатанными рукавами под застиранными, но неизменно чистыми комбинезонами явно свидетельствовали об этом), а кто относится к деревенским жителям (развесёлые выбритые физиономии, недвусмысленные смешки мне в след, нередко амбре перегара поблизости, зачастую замызганная до черноты форма - чего её стирать, если завтра снова испачкается?). А ещё сама незаметно определилась с теми, кого мне хочется поприветствовать, улыбнуться и чисто по-женски произвести впечатление, а кого лучше обойти десятой дорогой...

По пути пару раз встретились знакомые лица - жёны общинников, приносявшие мужьям обед и уже неспешно возвращавшиеся обратно домой. Этих ни с кем не спутаешь - длинные юбки, красивый размеренный неторопливый шаг, ровная осанка, покрытая голова, опущенный вниз взгляд, на деле преисполненный какого-то сурового женского достоинства...

И среди них Серафима, да.

К счастью, соседка попадалась мне на глаза крайне редко, и я так и не определилась с тем, как себя вести в её присутствии. Но поздороваться надо - тут без вариантов.

Фима шла степенно, я бы сказала - даже горделиво. Изредка кивала напарнице, с которой ей оказалось по пути - та что-то негромко рассказывала, делилась последними новостями.

Красивая она всё-таки... На свой манер, но цену себе определённо знает. Высокая, статная, держится так, что ураганом не сметишь. И коня, и в избу... Луке бы определенно подошла такая...

Не могла не заметить, как Серафима стреляет глазами по сторонам, заглядывая в приоткрытые двери ангаров. Явно пытается кого-то высмотреть. И совершенно очевидно, что не собственного мужа - она сейчас только что от него.

Сука...

Тоже попыталась выпрямить спину и расправить плечи - именно перед Фимой хотелось выглядеть... Просто выглядеть. Чтобы не только у неё, но вообще ни у кого даже не возникло вопроса, почему Лука взял меня в жёны. В конце концов, имею полное право...

- Мммм... Гляди, кто идёт, - Серафима наконец перестала вертеть головой и посмотрела прямо перед собой. Беззлобно и почти дружелюбно усмехнулась. - Доброго здоровьечка, соседка! - она смирила меня снисходительно-оценивающим взглядом, принимая мой приветственный и вполне доброжелательный кивок. - Наконец-то идёшь! Лука Тихонович заждался уже! - в её голосе послышалось прямо-таки елейное сожаление. - Голодный совсем, поди... - теперь она очень мило и душевно вздохнула, похлопала ресницами. - Не любит он, когда опаздывают. Страсть как не любит. Эх, Хеония... - она с натуральным сочувствием покачала головой. - Ты уж зови в следующий раз, коли чего не получается, не стесняй-

ся. Помогу. А то так и заморишь хорошего человека голодом, - Фима иронично рассмеялась.

Ой, тоже мне, нашлась благодетельница. Тьфу...

- Ничего, человек вполне способен потерпеть десять минут, - пропела в тон ей, уменьшая сорок пять минут опоздания до десяти. - Спасибо за предложение, соседка! Буду иметь ввиду, - я даже приняла кроткий вид и скромно опустила глаза, хотя прекрасно знала, что Серафиму этим не обманешь.

- Ну-да, ну-да... - та на секунду насмешливо прикрыла глаза. - Но ты всё-таки поторопись, Хеония...

- Уже! - мило оскалилась, проходя мимо неё. - Всего наилучшего!

Фима открыла было рот, собираясь что-то произнести, но передумала. Отвернула голову, продолжила путь к воротам...

Выдохнула. Свернула к курилке.

- Макар Всеволодович, здравствуйте! - я, как обычно, улыбнулась седому бородатому дядьке. - Всегда всё знаете... Лука-то нынче где?

- Добрый день, дочка! - Макар хитро прищурился, выпуская струю сигаретного дыма. - Та знамо где - в офис ихний пошёл. БелАЗ сдавать надобно, пришла пора улаживать оплату... - он важно кивнул в сторону старого двухэтажного здания из белого кирпича. - Ступай вон туда, там найдешь.

- А, хорошо! - махнула рукой на прощание, меняя траекторию к так называемому офису. - Спасибо, Макар Всеволо-

дович!

- Та не за что...

Голос Луки я слышала издалека - почти все двери так называемых кабинетов, построенных ещё в советское время, оказались открыты нараспашку - жарко. И ведь гудит же где-то на последнем издыхании кондиционер, но этого явно недостаточно...

Муж говорил по телефону. Негромко, проявляя терпение и заинтересованность, с небольшим раздражением, явно направленным не на собеседника, а на что-то иное. Не исключено, что на меня - правда ведь голодный, наверное...

Заглянула в одно помещение по правой стороне, в другое...

Лука был здесь. Уперев кулак в бок, вальяжно ходил из угла в угол, другой рукой держал телефон, обсуждая с кем-то политику ценообразования и умело жонглируя какими-то заоблачными для меня цифрами. Иногда заглядывал в бумаги, лежавшие на столе, уточняя какие-то суммы...

Кроме него, в кабинете находились ещё двое мужиков - один, совершенно незнакомый и явно деревенский, стоял, прислонившись к подоконнику и сложив руки на груди, другой, огромный и бородатый настолько, что глаз не видно, лениво развалился в рабочем кресле, изредка насмешливо вставляя в чужой разговор колкие фразы. Этого я в некотором роде знала - напарник Луки, тоже из общины, имеет



в личном пользовании какой-то самосвал, на котором периодически халтурит - возит лес и дрова местным жителям. Илья, кажется...

Потопталась на пороге, привлекая внимание.

Привлекла...

Лука бросил в мою сторону уже откровенно неприязненный взгляд, очевидно давая понять, что я совершенно не вовремя. Махнул на меня рукой, чтоб не мешала и не отвечивала, отвернулся к окну, продолжая свой диалог...

Озадаченно вздохнула, растерянно глядя в его широкую спину.

Ну и что мне делать? Впрочем, можно просто оставить сумки и тихо свалить - по факту, идеальный вариант, чтобы не слушать претензий по поводу своего опоздания...

Осторожно сделала шаг в кабинет, молча кивнула двоим мужчинам, попыталась примостить авоськи у стены...

- Здравствуйте! - деревенский мужик снисходительно улыбнулся.

Илья только поднял руку в знак приветствия.

- Иди садись, Хеония, - он грузно поднялся со своего места. - Тихонович скоро освободится.

Закусила губу, бросив тревожный взгляд в сторону мужа...

Лука действительно повернулся на предложение друга. Ответил мне предупреждающе-убийственным взглядом, всё-таки пытаюсь концентрироваться на разговоре...

- Да посиди, - Илья даже выдвинул кресло из-за стола по-

ближе ко мне. - Сговорились уже, всё равно из них больше не выбить, - он многозначительно покосился на напарника, явно обращаясь больше к нему. - Да и так отлично вроде, сильно цену набивать тоже не имеет смысла, иначе второй раз к нам не повезут... - он говорил тихо, но Лука явно прислушивался к его словам, хоть и сделал знак рукой, чтоб Илья замолчал.

Чувствуя себя совершенно лишней, но не желая пренебрегать гостеприимством, на цыпочках подошла к креслу и присела на самый краешек. Чинно сложила руки на коленях, когда Илья тоже отвернулся к окну, дабы не смущать взглядом замужнюю женщину. В то время, как второй украдкой разглядывал меня с любопытством и совершенно не стеснялся.

- Лёх, сходи печать принеси, надо отсканировать документы и отправить наконец, а то до вечера волындаться будем, - Илья строго кивнул Лёхе на выход из кабинета.

Тот равнодушно потопал прочь. А вскоре и сам Илья вышел следом за ним...

За те пять минут, что Лука заканчивал свой важный разговор, принципиально делая вид, что меня здесь нет, я успела немного расслабиться - откинулась на мягкую спинку стула, задрала до колен подол длинного платья, проветривая вспотевшие ляжки, закинула ногу на ногу, сбросила балетки - пусть ступни отдохнут, положила голову на подголовник, без особого интереса глядя в окно на рабочие цеха и суетив-

шихся вокруг них людей, погружаясь в собственные мысли ни о чём...

...Лука внезапно дёрнул подлокотник кресла, сходу разворачивая меня к себе лицом. Больно толкнул ладонью коленку, заставляя поставить ноги ровно, тут же рванул вниз платье, прикрывая лодыжки... Только после этого, глядя на меня с праведным гневом и яростью в глазах, убрал в карман мобильник, по которому только что закончил разговаривать.

Видно, совсем не в духе...

Судорожно всхлипнула от взметнувшегося в груди страха и мгновенно затопившей обиды - неужели нельзя просто сделать замечание, что я опять не так сижу? И не так свищу, не так выгляжу, и вообще не такая святая, как его драгоценная Сима, например...

Шмыгнула носом, торопливо поднимаясь на ноги и вообще отскакивая от кресла, подальше от чужого негодования и злости.

- Ты почему на час позже пришла? - Лука снова повернулся в мою сторону, будто решил отыгаться на мне за свою усталость, голод и неудачный разговор по телефону. - Трудно хоть раз сделать как надо, а?! - он грозно свёл брови к переносице. - Я же говорил, что после обеда буду занят! Предупреждал, чтобы не опаздывала сегодня!

Ну говорил, вроде...

- Я, пожалуй, пойду, - я поджала губы. Опустила глаза, всем видом демонстрируя обиду, совершенно несправедли-

во нанесённую моей тонкой душевной организации, отвернулась...

- Иди! - Лука буквально рывкнул мне в затылок. - Вечером поговорим...

Пффф.

Молча продефилировала к выходу. На прощание всё-таки оглянулась, расстроено покосилась из-под ресниц на пышащего буйным раздражением супруга, демонстративно сложившего руки на мощной груди и провожавшего меня разъярённым взглядом исподлобья. Показательно досадливо вздохнула, опуская печальный взор...

Даже не шелохнулся. Мудак!

Да и пошёл он...

Решительно зашагала по коридору к выходу из здания - пусть этот неотёсанный чурбан подавится своим недовольством, раз даже извиняться не собирается...

\*\*\*

Домой не хотелось.

Да и как в принципе может хотеться туда, где тебя ждут бескрайние грядки, ежедневное мытьё полов, бесконечные молитвы и беспрестанная готовка на четверых человек?! И максимум, что светит в ответ на твои труды и старания - дежурное "спасибо". Будто ты делаешь что-то обыденное и повседневное, словно не прикладываешь усилий, не стираешь руки в кровь от этих тряпок с содой, не обливаешься потом на этом чёртовом огороде, да что там, вообще по щелчку

пальцев у тебя всё получается...

Свернула с дороги. Прошла метров пятьсот краем села, вдоль леса. Вышла в аккурат напротив последнего деревенского дома...

Невольно улыбнулась, подходя к воротам - на крыльце привычно развалился кот, на низеньких столбиках натянута новая верёвка и сушатся какие-то вязанные крючком половички, тут же сохнут первые пучки нарезанной мяты, аккуратно скрученные тоненькой бечёвкой... Уютно.

- Баб Маш! Баб Ма-а-аш! - я толкнула калитку, неторопливо зашла во двор. - Баб Маш!

- Ты что ли, Снегурка?! - Мария Михайловна выглянула из-за угла сарая. - Тю-ю... Какие люди... - она широко улыбнулась, скидывая испачканные землёй перчатки. - Заходи, хорошая моя! Я сейчас... - она оставила тляпочку на дорожке, пошла ко мне навстречу, поставив ладонь козырьком, чтобы лучше меня разглядеть. - Ну какая ты у меня стала, а... А платье-то... А платок... И коса у ней... Ну красавица! Заглядень! - она протянула руку, и я с радостью обняла старушку. - Вот Лука-то поди не нарадуется... - она понизила голос, почти зашептала, - такую жену Бог-то послал...

Насмешливо скривилась, закатывая глаза. Вот умеет же Мария Михайловна заливать в уши - не отнять.

- Луке Вашему не до красоты, - я махнула рукой, разрывая сердечные объятия. - Ему только чтоб поесть вовремя было, да полы чистые... И огород чтоб не зарастал! - я злорадно

усмехнулась. - А остальное вообще не про него...

- Ну это ты зря, Снегурка, - баб Маша наклонилась к шлангу у фундамента, повернула допотопный кран, принялась мыть руки. - Мужик - он всегда мужик, красивое всегда видит, - она покосилась на меня смеющимися глазами. - Ночами-то поди покоя не даёт? - снова заговорщически зашептала, понимающе кивая.

Вспыхнула.

Ну вот как объяснить хорошему человеку, что ночами он мне покоя не даёт исключительно из-за желания потрахаться, а не из-за моей так называемой красоты? Будь на моём месте любая другая, он бы поступал точно так же. Да и красота сомнительная - некогда аккуратный маникюр облез и обломался, кожа загорела до зудящей красноты, волосы стали как пакля и секутся, без дезодоранта вся одежда провоняла потом, побриться тоже нечем и вроде как неположено...

- Да ну, баб Маш... - я снова отмахнулась от чужих предположений, невольно краснея. - У Луки всё по расписанию, и это тоже...

- Ну знамо дело, - Мария Михайловна согласно закатила глаза. - Я так всю жизнь прожила. И ты привыкнешь... - она засеменила в дом, торопливо вытирая руки об подол своей юбки. - Иногда бывало, знаешь... Так бросить всё хотелось... - баб Маша улыбнулась с ностальгическим видом. - А как подумаешь - дети, корова, куры, огород... Тогда ж все подсобным хозяйством жили, не то что сейчас. Да и сам Родион,

муж мой покойный, он же и каши сварить не мог! Всё только в поле работать умел, колхоз поднимал, а дом да скотина-то всё на мне были... Как оставишь?! Никак, - она тяжело вздохнула, прямо на крыльце переобуваясь из калош в тапочки. - Да и он, Родион-то, бывало, как притащит с поля букет... И васильки, и одуванчики, и кипрея нарвёт, и лютиков, ну жёлтеньких таких, и колосьев каких навьючит... На, мол, хозяйка, поставь на стол... А я и рада - другим мужики грибы да ягоды только приносят, а мой... цветы... - она всхлипнула украдкой, покачала головой, тихо засмеялась воспоминаниям, став будто лет на десять моложе. - Так что не переживай, Снегурка. Привыкнешь, - баб Маша с какой-то щемящей нежностью посмотрела мне в глаза, прежде чем отвернуться и толкнуть дверь в прихожую. - Пошли чай пить, варенье своё я ещё позавчера достала, как знала, что в гости пожуешь...

Это было душевно и тепло, совсем по-домашнему - сидеть за большим потёртым столом в знакомой уютной кухне, пить терпкий травяной чай с пышной булкой и густым малиновым джемом, слушать тихий добрый голос Марии Михайловны, умиротворённо рассуждающий о непредсказуемой погоде, о капризной природе, о Боге и смирении, о далёком или не очень прошлом, о заоблачном или ближайшем будущем, поглядывать в окно на снующих в кормушке воробьёв, любоваться аккуратным порядком вокруг, вдыхать ароматы сладковатого дрожжевого теста и настоящих имбирных пряни-

ков, пересохших дров и свежей смолы, теплого парного молока и вязкого ревневого киселя... Здесь словно замыкался какой-то круг, сводились воедино тысячи разбросанных по миру дорог, наступало время тишины, чаши весов замирали в балансе. Ощущение - будто вся вселенная за пределами этого дома застыла в недвижении, давая возможность выпасть из реальности и просто отдохнуть. Что-то такое до боли родное, не позабытое, но отложенное на потом... В таком состоянии правда кажется, что все проблемы решаемы, что любые беды обойдут стороной, что рано или поздно минуют тревоги и горести, останется только какая-то непонятная, но необъятная и торжественная вечность, в которой и утонуть не жалко. Абсолютный душевный покой и духовная гармония, практически безмятежность...

Именно поэтому, погостив почти час у добрейшей бабульки и выйдя за калитку, я едва не расплакалась - настоящая реальность показалась настолько душераздирающе убогой и невыносимой, что сил в ней существовать почти не осталось. И неважно, о какой реальности речь - здесь, в деревенской общине, в чужом доме с практически незнакомым мужем, или там, в привычном городе, где нужно продавать родную квартиру, а бывший супруг живёт новой жизнью с любимой женщиной...

Мне нигде нет места. Я будто потерялась, застряла в междумирье...

Покосилась на лесную дорогу, ведущую через пролесок к



общиновскому поселению - там ждут не дождутся грядки с картошкой, тряпка для мытья и без того стерильных, сука, полов, кастрюли для приготовления ужина, новая стирка, а я ещё предыдущую кучу белья не погладила... А вечером будет вечно недовольный Лука со своими доисторическими молитвами, нудными нотациями и необходимостью ложиться в одиннадцать вечера. Впрочем, иногда лучше действительно провалиться в сон, чем смотреть на собственную жизнь и лишний раз осознавать, какое же она дерьмо...

Шмыгнула носом, чувствуя лёгкую тошноту от этих перспектив. Опустила голову, осознавая уже принятое решение...

Неторопливо побрела в противоположную сторону вглубь деревни - на следующем перекрестке будет магазин, где можно купить какой-нибудь алкогольный коктейль или банку пива на худой конец. Ну хоть что-то же должно быть на этом свете, что может помочь избавиться от затопившего по самую макушку чувства безысходности?! Конечно, Лука постоянно твердит о том, что в подобные моменты лучше помогает молитва, но... Я предпочту проверенный алкоголь, да. Он надёжнее...

Естественно, банка слабоалкогольной бурды со химозно-смородиновым вкусом, которую мне продали в так называемом магазине, никак не могла всерьёз повлиять на моё состояние. Это не баб Машина наливка, которая мгновенно бьёт по мозгам и вырубаёт их наповал, увы.

Но мне стало легче. Уже от того факта, что я всё ещё могу принимать решения относительно того, куда мне идти, что покупать, чем якобы травить свой организм. Мнимое и такое необходимое чувство личной свободы, которое постоянно нужно отстаивать и доказывать хоть кому-то, пусть даже самой себе, дабы не ощущать это отвратительное гнетущее горьковатое одиночество... Я не одинокая, я свободная! Правда же? Сейчас я готова в это поверить...

По крайней мере, мне удалось частично поднять себе убитое в хлам настроение. Унять тоску и тупую душевную боль, притянуть за уши хоть какой-то минимальный призрачный позитив, отодвинуть на задний план здравый смысл, в котором я с какого-то момента вовсе стала сомневаться...

Даже оставшиеся дела перестали казаться такими тягомотными и непосильными - что успею, то успею. А что нет - не мои проблемы...

По итогу я успела практически всё - и кое-как домучить под палящим солнцем ненавистную грядку (я уже потеряла

ориентир, которая она по счёту за эту неделю, ибо борозды зарастали травой с астрономической скоростью), пере-гладить гору белья (нахрена это вообще делать, если сушится оно аккуратно развешенным на плечиках или безупречно приколотым прищепками?), протереть на скорую руку полы (в спальне помыла даже два раза, дабы уgomонить совесть), надраить и без того сияющий унитаз (оказывается, лимонная кислота в самом деле вещь), разогреть утренние пироги (хорошо, что напекла много), сварить компот из сухофруктов (сама успела его полюбить, да), поменять постельное бельё младшим детям и запустить ещё одну стирку...

Теперь я просто проходилась тряпочкой по фасадам кухонного гарнитура - дурацкое занятие, особенно нижние тумбы, ибо постоянно приходится сидеть на корточках, и в этой позе страшно затекают ноги, тем более к вечеру. Но кому какое дело, верно? Тут не то что не пожалеют или не посочувствуют, тут даже спасибо никто не скажет...

Слышала, как хлопнула входная дверь. Как по дому разлетелись счастливые детские возгласы. И им вторил мужской голос...

Лука.

Блять! Ну какого хера он сегодня так рано припёрся?! Может, опять за подризником, а... А потом уйдёт в свою церковь и останется допоздна...

Принялась снова тереть дверцу нижнего шкафа - пусть видит, что я тут тружусь в поте лица, да.

- Привет! - первой в кухню влетела довольная Лиза. - Как день прошёл? Помощь нужна? - она обвела помещение привычным взглядом. - Мmmm, сегодня на ужин выпечка?! - её глаза заблестели в предвкушении. - Вот Савка обрадуется... - она сходу повернулась обратно в сторону коридора. - Савка! Савелий! Иди сюда!

Брат тут же появился в дверях.

- Здравствуйте! - парень кивнул мне, с подозрением уставился на старшую сестру. - Чего звала?

- Смотри, что Сне... Хеония сегодня на ужин приготовила! - Лизка торжественно указала взглядом на два накрытых салфетками противня, стоявших рядком на столешнице. - Чувствуешь, как пахнет?! Ооооххх... - она театрально закатила глаза.

Савка не ограничился ароматом и очевидной картиной - решительно подошёл к столу, аккуратно приподнял край полотенца, заглянул под него...

- И правда... - он несколько секунд созерцал небольшие пирожки с мясом и луком, украшенные ровными косичками. - Вот это да... - зашептал благоговейно, осторожно накрывая противень обратно. - Спасибо, Господи!..

В смысле?! А мне спасибо?

А, тьфу, мне после трапезы скажут, да. Но совсем не с таким чувством, не с такой искренней душевной благодарностью, не с такими горящими глазами...

- Здравсте! - теперь на кухню забежала счастливая Настёна.

- А нам сегодня в лагере про букву "шшшш" рассказывали!  
- она забавно изобразила длинный звук. - Я уже почти все буквы выучила! Ты рада? - малая во все глазища смотрела на меня, явно ожидая похвалы.

Не хотелось, да. На фоне собственных переживаний и страданий чужие детские заботы и достижения казались такими незначительными...

Подняла на Настю глаза. Глубоко вздохнула, делая над собой усилие...

Отбросила тряпку. Встать и разогнуться так сразу не смогла - спина затекла, колени и вовсе занемели.

Протянула руку, подзывая малышку.

- Иди сюда, - улыбнулась ей, почти уловив момент ментального доверчивого детского восторга...

Настюха подлетела ко мне, едва не сбив с корточек. Обхватила за шею чуть липкими ручонками, жадно разглядывая моё лицо...

- Я очень рада, Насть, - я заговорила серьезно, чтобы потом не мучиться чувством вины и угрызениями совести. - Ты - большая молодец! Всё-всё знаешь...

Настя улыбнулась. Неожиданно прикрыла глаза, выставила вперёд подбородок, явно намекая на то, что я должна ей поцелуй...

Сглотнула какой-то нехороший ком в горле. Крепко и звонко чмокнула пухлую нежную щёчку...

Девчонка тут же подставила вторую, не открывая глаз, но

расплывшись в довольной сдержанной улыбке. Хитрюга, а...

Прижалась губами к другой щеке. Потом зачем-то поцеловала кончик любопытного носа. Потом опять скулу... Потом лоб... Потом висок... Потом куда дотянулась под заливиственный детский смех и возню...

Знала, что Лука уже здесь, в кухне. Чувствовала его присутствие спинным мозгом - слишком обжигающая ментальная аура у этого человека, чересчур жёстко схлопывается пространство в его присутствии, излишне нагнетается обстановка, когда он рядом. Но так ни разу и не оглянулась, продолжая зацеловывать и щекотать довольную визжащую Настю...

- Кхм. Добрый вечер, Хеония, - ироничный мужской голос, раздавшийся за спиной, не был недовольным или раздражённым, как днём. Надо же, муж в настроении нынче...

Всё познаётся в сравнении. И таки да, оказывается, вечер был вполне себе ничего, пока Лука не обозначил своё появление...

Настюха немного затихла, с обожанием поглядывая на отца через моё плечо. Послала ему смешной воздушный поцелуй...

Выпустила девчонку из объятий. Через силу поднялась на ноги, опираясь локтём о столешницу, медленно обернулась, старательно игнорируя неприятные колкие мурашки, побегавшие по всему телу...

- Кхм. Добрый вечер, Лука, - ехидно прошипела, склоняя

голову и презрительным взглядом окидывая уже сидевшего за столом мужа. - Как дела на работе? Удачно сдал свой... БелАЗ? - вскинула бровь, чувствуя, как вроде остывшая за день обида вспыхивает с новой силой.

Лука едва заметно нахмурился.

- Более чем, - наконец он вальяжно кивнул, откидываясь на спинку стула. - Переживала, смотрю, - усмехнулся, неторопливо подпирая бородатую щеку ладонью. - Думала, волновалась...

Уставилась в его наглые глаза, в упор смотрящие на меня...

- ...Так, все дружно идём мыть руки! - Лизка обратилась к Савке и Насте, но вздрогнула почему-то я. - Сейчас за стол сядем... - девушка приобняла брата и сестру, повела в коридор...

- Серафима твоя пусть о тебе думает и волнуется, - я отвела глаза, сложила руки на груди. - А я...

Теперь он приподнял бровь, сдерживая сарказм.

- А ты, как настоящая хорошая жена, во мне так уверена, что не сомневалась даже, ты это хотела сказать? - перебил, нравоучительно растягивая слова.

Проглотила пару матов. Процедила сквозь зубы:

- Именно.

- Хорошо, - Лука охотно кивнул. - Но... Жена, неужто тебя грех женской ревности обуял, коли Серафиму упомянула, м? - он смотрел с таким задором, что я закусил губу, чтобы не

улыбнуться в ответ.

- Пффф... - покраснела до кончиков ушей, суетливо отворачиваясь к противням и убирая с них полотенца. - Скорее я иногда поражаюсь женскому лицемерию, - ляпнула с умным видом.

На самом деле я больше удивляюсь тому, как Фима до сих пор не затащила Луку под венец, ибо её намерения слишком тверды и кристально чисты. Я скорее завидую её силе духа и решимости - мне бы хоть половину её энтузиазма, и хрен бы Глеб куда ушёл от меня...

- Учись на чужих ошибках, - голос Луки посуровел, стал серьёзным. - Но не осуждай других...

Да бляяять!

Не успела ответить - в кухню толпой ввалились дети.

Младшие расселись вокруг отца, Лиза подошла ко мне, чтобы помочь...

Семейный ужин, да. Чтоб его...

\*\*\*

Молчание за столом. Звнящее, раздражающее, тяжёлое для восприятия, непереносимое для меня.

Но не для других - на фоне общего шороха, неуловимого скрипа стульев, тихого передвижения тарелок, едва слышного звона стаканов и чинных вздохов все остальные, кажется, чувствовали себя вполне привычно и совсем неплохо.

Последние дни я иногда задумывалась о том, что мешает мне также расслабляться в кругу этих людей? Спокойно



ужинать, никуда не спешить, не рваться завершить трапезу, ибо потом ждёт гора посуды, а мне хочется поскорее покончить с делами...

Наверное, для меня всё было банально - я слишком привыкла суетиться. Именно той внутренней суетой, когда нервное напряжение ломит виски, когда бесит сам факт того, что надо что-то делать, когда внешне не успеваешь нихрена, а внутри копится дичайшее раздражение и недовольство собой, своими обязанностями, да что там, даже собственной жизнью. И этот факт с совершенной очевидностью лишний раз доказывал то, что я здесь чужая, не на своём месте...

Первым наелся Савка - кажется, он затолкал в себя даже больше пирогов, чем его отец. Перепробовал все начинки, явно отдавая предпочтение картошке и мясу.

Настя выбрала в фавориты пончики с вареньем и булочки с корицей - наверное, все дети их любят.

Лиза, как и я, налегала на ванильную творожную ватрушку с тонким слоем малинового джема - девушка тоже не сильно жаловала творог в первозданном виде, но любила производные из него.

Лука... Лука просто ел. Не рассматривал цветочки и вензелёчки на тесте, не интересовался содержимым закрытых пирожков, не выказывал эмоций от того или иного наполнения. Ощущение, что хоть дрова ему в тарелку положи - съест и не заметит... Бесит. Я ведь старалась...

- Спасибо! - Савелий уже закончил читать тихую благо-

дарственную молитву и повернулся ко мне. - Очень вкусно! - он явно не находил слов, чтобы озвучить то, что хотелось выразить. - Я... Я в следующий раз могу помочь, если на выходных печь будете...

Стало неловко отчего-то. Так всегда бывает с этими детьми, ибо они часто говорят и делают то, чего от них совсем не ожидаешь...

- Эммм... Хорошо, - улыбнулась, покоренная его искренностью и заботой. - Я рада, что тебе было вкусно...

- Настя? - Лука наигранно грозно нахмурился в сторону младшей дочери, покинувшей своё место за столом.

Но девчушка даже не обратила внимания на его замечание. Подбежала ко мне, обняла за пояс перепачканными ручонками, потянулась чтобы поцеловать...

Вот же любительница ласки и объятий!

Рассмеялась, наклоняясь к ней и честно слушая её детский сбивчивый лепет на ушко о том, как ей всё-всё понравилось, только лук не понравился. Причём рассказывала она это между то и дело повторяющимися поцелуями - теперь пришла её очередь чмокать меня. Трогательная такая...

- Я помогу Хеонии, пап? - Лиза тоже выпорхнула из-за стола, уже начала собирать тарелки.

- Оставь, дочь, - Лука остановил её взмахом ладони, поднялся с места. - Я сам помогу. За младшими присмотри лучше.

- Аааа... - девушка охотно кивнула. - Добро! - она огляну-

лась на меня, одной рукой хватая разомлевшего от еды Савку, другой сжимая ладошку Настёны, нетерпеливо переминавшейся с ноги на ногу. - Спасибо, Сне... Хеония! Ужин чудесный! Хорошо, что даже на завтрак всем по пирожку достанется... - она стрельнула в меня восхищенным взглядом, прежде чем скрыться за стеной и увести ребят.

Улыбнулась от умиления. Всё-таки правильно баб Маша говорила - хорошо, когда люди умеют быть благодарными. Пусть даже частично привирают и переигрывают где-то, но общий посыл чрезвычайно приятен...

Принялась составлять со стола посуду - плоские блюда, стаканы, опустевший кувшин из-под компота, блюдца...

- А ты? - я открыто покосилась в сторону Луки, собиравшего в кучку бумажные салфетки, чтобы потом их выкинуть. - Не хочешь сказать, какие пироги тебе понравились? - закусил губу, пряча смущённую улыбку и откровенно напрашиваясь на комплимент. - По мне с капустой неудачные - не пропеклись внутри, а сверху как подгорели, суховатые...

Муж тоже глянул на меня прямым смешливым взглядом, открывая тумбу под раковиной, где стоял мусорный контейнер. Уже собирался что-то ответить в своей саркастично-нравоучительной манере, как внезапно затормозил, глядя в полупустое ведро. Молчаливо нахмурился, сдвигая брови к переносице...

- Это что? - он вдруг выудил из мусорки жестяную банку из-под смородинового пойла, которую я так необдуманно

выкинула на самый верх, даже не удосужившись смять тару...

Да бляяаять!

Дура...

Лука брезгливо покрутил банку двумя пальцами, читая название. Тут же вперил в меня в миг ожесточившийся презрительный взгляд...

---

*Девочки, блоги мало кто читает, поэтому напишу и здесь!*

*У Аны Сакру вышла новинка про... Лизу!## Да-да, нашу Лизу Лукиничну##*

*Она уже повзрослела и учится в большом городе, где много-много соблазнов...####*

*Кому интересно - приходите!## Наверняка встретим там и Луку, и Снежку####*

*[https://litnet.com/shrt/QZc\\_](https://litnet.com/shrt/QZc_)*

Сердце гулко бабахнуло по рёбрам и застыло в моменте. В моменте адовой несправедливости и чёртового невезения, да.

Облизнула пересохшие губы, лихорадочно собираясь с мыслями.

Лучшая защита - это нападение...

С чем нападать только?! Так сразу и не сформулируешь...

- Ну?! - Лука с характерным треском смял банку своей огромной лапищей сначала до плоского состояния, потом ещё немного, покорёжив её окончательно... - Что. Это. Такое? - повторил излишне терпеливо и спокойно, отчего в кухне будто стало на пару градусов холоднее.

Ну что за тупой вопрос, в конце концов? Разве не видно? Не слепой же, вон как внимательно название и процент алкоголя читал...

- Смысл объяснять очевидные вещи? - я поджала губы, задрала подбородок, так и не сообразив, чем крыть в ответ.

Изуродованная тара демонстративно полетела обратно в ведро.

Лука глубоко вдохнул полной грудью, медленно выдохнул. Стиснул челюсти так, что в тишине, кажется, закрипели зубы.

- Заканчивай здесь и приходи в молельню, - он даже не

удостоил меня взглядом, размашистой походкой покидая кухню.

Фуууух...

Дождалась, пока стихнут громкие шаги в коридоре, хлопнет дверь одной из комнат. Перевела дыхание, как-то разом осознав, что до этого момента тело находилось в предельном напряжении. Машинально провела ладонью по лицу, словно снимая морок тихой паники, сковавшей сознание...

В молельню, значит. Опять заставит зубрить какой-нибудь нудный псалом, сроку даст три дня, а потом даже не спросит, выучила я его или нет, будто иначе и быть не может. Не исключено, что потребует переписать кучу текста своей рукой в ненавистную тетрадку, и это займёт пару часов...

Со вздохом принялась вытирать со стола. Потом неторопливо и тщательно разобрала в раковине посуду, помыла с особым старанием, вытерла насухо, аккуратно разложила всё по местам. Взяла тряпку, честно протёрла полы напоследок, всё ещё надеясь на то, что мужу надоест меня ждать, и он благополучно свалит спать...

Иногда хлопали двери других помещений - дети ещё бодрствовали. Пару раз в кухню заглянула Лиза - сначала она помогала Насте принять ванну, потом сама сходила в душ. На её удивленный вопрос о том, где папа, я ответила по возможности честно - отцу приспичило помолиться...

В общей сложности я провозилась не меньше часа, игнорируя нарастающее в глубине души беспокойство - Лука ни

разу не вышел из комнаты для молитв, не поторопил меня, даже не прошёл мимо, чтобы намекнуть на то, что он всё ещё ожидает моего появления. Тишина, будто его и вовсе нет в доме...

Пользуясь возможностью, прошмыгнула в ванную. Быстро залезла в душевую кабинку, включила воду. Первые пару минут просто стояла, наслаждаясь прохладной водой, приятно остужающей разгоряченную кожу, пропитавшуюся солью за этот бесконечный день, подставляя лицо под струю и жмурясь от брызг. Чувствовала, как намокают волосы, как расслабляется тело, отпуская мышечное напряжение, ощущала, насколько свежее и легче становятся мысли в голове, как успокаивается разум ожиданием скорого отдыха... Лишь после этого намылила жёсткую джутовую мочалку, принялась наконец мыться...

После купания вытерла волосы, но рассчёсываться не стала - сил совсем не осталось. Надела чистую сорочку - примитивный льняной балахон с длинными рукавами и шнуровкой на груди. Я уже начала привыкать к подобным ночным нарядам - удобно в том плане, что по дому можно расхаживать прямо в них, не опасаясь шокировать детей или нарваться на неодобрительный взор мужа. Впрочем, просыпалась я неизменно в неприглядном виде - спать в монашеской позе на спине я так и не научилась, и ночнушка всегда закатывалась выше пояса, завязки вечно развязывались, обнажая плечи, а то и грудь, а пару раз я и вовсе умудрилась во сне почти пол-

ностью выскользнуть из безразмерного одеяния... Но Лука только презрительно кривил губы, лицезрея меня по утрам, но совершенно не требовал заменить балахон на удобные пижамные шорты и привычную мне майку. Что ж, пусть любуются дальше...

Наконец я завершила все дела - придумывать новые было бы уже слишком подозрительно и глупо. Даже дети к этому часу уgomонились и разошлись по своим комнатам...

Что тоже оказалось поводом для промедления - я честно зашла к каждому, пожелала спокойной ночи, нарочно оттягивая время и с видимой радостью поддерживая любую болтовню - уже пригревшаяся в постели Настя сонно поделилась о том, что очень рада наступающим выходным и возможности побыть дома с папой, сестрой, братом и со мной. Савка, погасив фонарик под одеялом, лаконично поведал мне о содержимом книги, которую читал перед сном - что-то на тему религиозных войн в средневековье, слегка огорошив меня своими познаниями в области истории. Лиза, тоже читавшая в темноте какой-то журнал за столом, уже не первый раз шёпотом поделилась тем, что хотела бы продолжить учёбу где-нибудь в большом городе, как собиралась сделать Антонина - дочь Василины Яковлевны, родной сестры Ольги, то бишь первой жены Луки... Конечно, я понимала Лизку - если есть мечта, то ради её достижения можно пойти на многое. Но сейчас мне не хотелось об этом думать - в конце концов, до окончания школы ещё несколько лет, и Лука, в данный



момент даже слушать не желавший об отъезде старшей дочери, вполне может изменить своё мнение в будущем... По крайней мере, это единственное, чем я могла успокоить Лизу, увы.

Внутри уже горел огонь осознания чувства вины и стыда, когда я наконец закрыла дверь в Лизкину комнату - Лука так и не появился. Конечно, он не дурак, и должен прекрасно понимать, что я нарочно оттягиваю неизбежное, но такой недюжей выдержке я могла только позавидовать - на его месте я давно бы уже сорвалась и закатила истерику, пытаюсь настоять на своём и требуя выполнения поставленных мною условий. А он... Бесит!

Может, он там всё-таки уснул в процессе покаяния?

Это было бы идеально...

В нерешительности остановилась перед закрытой дверью молельни. Прислушалась, всё ещё лелея надежду услышать за стеной что-то, похожее на храп...

Не слышала.

Постучать, может?

Нет.

Чёрт побери, Лука иногда посылал меня сюда молиться или читать Писание, нередко уединялся здесь сам. Но ни разу не приглашал на совместную молитву...

Выдохнула. Тихонько повернула ручку, приоткрывая щель в крошечную комнату...

Глаза резануло плавающим дымом - в полумраке помеще-

ния горели с десятков церковных свечей. Явно уже не первые, судя по оплывам в подсвечниках... Отблески пламени ярко отражались в старых иконах - можно было в деталях рассмотреть странные одежды и неказистые лица изображённых на них святых.

Сам Лука стоял на коленях перед маленьким домашним алтарём, прикрыв глаза и тихо нараспев читая какой-то молебен на древнерусском языке...

Опешила на миг, распахивая глаза и жадно вглядываясь в мужскую фигуру - ни разу не видела его молящимся в такой позе...

Ощущения оказались двояким. Во-первых, молниеносно вспыхнула гордыня - я на ногах, а он коленопреклонный в двух шагах от меня... И плевать, почему он находится в таком положении. Просто сам факт, вызывающий во мне чувство превосходства и величия... А во-вторых, я поймала себя на том, что поза Луки совершенно не выглядит униженной или скорбной - он стоял монументально, расправив широкие плечи, слегка склонив голову, демонстрируя если не смирение, то огромную силу духа и готовность стоять так всю ночь...

- ...Аминь... - Лука резко повернул голову, мазнув по мне презрительным воспалённым взглядом. - Явилась? - его губы на миг скривились в раздражённой усмешке. - Проходи, не стой. Дверь за собой закрой.

Послушно ступила в комнату, чувствуя себя заложни-

цей обстоятельств и одновременно соучастницей какой-то неведомой херни. Покорно закрыла дверь, растерянно обвела взглядом иконы на стенах, при свете свечей казавшиеся ожившими изображениями...

Лука легко поднялся на ноги. Шагнул к столу, открыл нижний ящик, достал оттуда какую-то тонкую квадратную подстилку. Небрежно швырнул её на пол на то самое место, где только что сам читал молитвы...

- На колени, - процедил сквозь зубы, отворачивая от меня полный презрения взгляд и возвращаясь к столу. Принялся перебирать аккуратно лежавшие стопочкой священные книги. - Будешь повторять за мной вслух, поняла? - он дал мне секунду на раздумье. - Не слышу...

В шоке захлопала глазами...

- Хеония, я непонятно объяснил?

Попятилась к двери...

Я не хочу стоять на коленях в его присутствии! Не хочу повторять какой-то заумный текст, от которого только спать хочется! Я вообще не хочу здесь находиться...

- Я... не буду...

Лука вскинул глаза, в неровном осещении казавшиеся чёрными и бездонными. Опёрся кулаками о столешницу, сверля меня пристальным давящим взглядом.

- На колени перед образами, Хеония.

На глаза навернулись слёзы от какого-то противоестественного унижения. Нашупала за спиной ручку двери...

- Да твою мать... Не доводи до греха! - Лука стремительно оттолкнулся от стола, в два шага преодолевая расстояние между нами...

- Я не хочу! - сдавленно прошептала, машинально выставив вперёд ладонь, в страхе наблюдая за тем, как его огромная массивная фигура загораживает свет свечей, оставляя взгляду только наполовину распахнутую льняную рубаху, под которой виднелась заросшая чёрной порослью грудь...

Не ответил.

Протянул руку, хватая меня за шиворот, как нагадившую кошку...

- Лука, не надо... - захрипела, чувствуя, как ворот натянувшейся сорочки врежется в горло. - Задушишь...

Проигнорировал мои завывания, толкая вперёд, к валявшийся перед алтарём подушке. Отпустил горловину балахона, перехватил меня сзади за шею, стиснув пальцами позвонки так, что в ушах застучал пульс...

- Сказал - на колени! - он со злостью надавил мне на плечи, заставляя сначала согнуться, потом опуститься на пол...

Рухнула мимо подушки, ударившись коленками об доски. Боли почти не ощутила, только лихорадочно подтянула подстилку к себе, пока Лука не озверел окончательно и не решил лишить меня даже минимальных удобств...

- Что наизусть помнишь? - разъярённый мужской голос неумолимо звенел в голове подобно колоколу.

- Что...

- Молитву какую по памяти прочитать можешь? - Лука положил тяжёлую горячую ладонь мне на плечо, пока я суетливо подминала под себя коврик. Резко дёрнул широкий ворот моего дурацкого одеяния, чтобы его пальцы впивались в ткань, а не в голую кожу...

Ээээээ...<br> Чёрт!

В смысле - Господи, помоги...

- "Отче наш" помню, - шмыгнула носом, поднимая голову к иконам, расположенным прямо перед лицом. - К-кажется...

- Читай! - муж с раздражением тряхнул меня за локоть. - Вслух!

Стиснула клацнувшие друг об друга зубы, пялясь на носы огромных мужских кедров, остановившихся в миллиметре от моего бедра, чувствуя, как по лицу непроизвольно катятся слёзы.

- Издеваешься? - прохрипела на выдохе, испытывая в этот момент одуряющую ненависть не только этому человеку, а ко всему живому в принципе.

- Не противься мне! - Лука с ожесточением сжал моё плечо. Снова безжалостно затряс меня, будто хотел вытрясти душу...

Громко всхлипнула, ощущая себя в этих стенах как в пыточной камере. Глаза жгло от соли и дыма, в горле першило от неслучившейся истерики, голова казалась невозможно тяжёлой. Мозг и вовсе кипел, силясь вспомнить хоть одну строчку из того, что от меня требовали...

- Ну?!

В панике залопотала сбивчивым шёпотом:

- О-отче н-наш, и-иже е-еси н-на н-неб-бесах...

- Громче! И чётче!

- Ссука... - обессиленно огрызнулась в ответ, утирая сопли рукавом.

Лука будто ждал от меня подобной реакции - навис сверху необъятной скалой, изучая меня в неровном отблеске свечей. Поднял руку, с каким-то злорадством вцепился пальцами в мой подбородок, заставляя задрать голову выше... Яростно прошипел прямо в лицо, опалая горячим дыханием:

- Сначала. Громко и чётко. Уяснила?

Кивнула, невольно вытянув шею и поскуливая от боли и унижения.

Он смотрел мне в глаза, словно пытался выжечь зрачки своей ненавистью. Дышал шумно, будто хотел испепелить на месте...

- Или ты делаешь то, что я говорю, или останешься здесь, пока Псалтырь не вызубришь! Поняла меня?

Прикрыла веки в знак согласия, не в силах выдавить ни звука - горло сдавило спазмом от недостатка кислорода.

- Слушаю! - Лука наконец ослабил хватку, давая мне возможность повернуть голову.

И на том спасибо...

- Отче н-наш, иже еси на н-небесах... - затараторила на одном дыхании, не открывая глаз. - Да святится имя т-твое...

Больше Лука не перебивал меня. Лишь шумно и нетерпеливо вздыхал, когда я путала слова или переходила на истеричный шёпот.

Почему-то в этот раз текст молитвы показался мне очень длинным, хотя прежде слова от зубов отскакивали...

- ...Ныне и присно... И во веки веков... Аминь... - выдохнула, почти выплюнула последние слова. Сквозь слёзы покосилась на мужа. - Всё...

- Крестом себя осени!

Торопливо перекрестилась троеперстием. Тут же спохватилась, ещё раз сотворила крёстное замените двумя пальцами, вот-вот ожидая гневного окрика мужа...

- Трижды!

Послушно перекрестилась ещё два раза, хлюпая носом...

- Уже лучше, - Лука, кажется, немного успокоился. По крайней мере, сейчас его тон стал более сдержанным и холодным. - Теперь повторяй вслух то, что буду читать я, - он отошёл на шаг вправо, открыл какую-то маленькую книгу, бережно водрузил её на подставку, откинул позолоченную закладку-ленточку, пролистал пару страниц, больше не глядя в мою сторону...

Сволочь. Мудак! Деспот натуральный...

Попыталась унять внутреннюю истерику, вытирая мокрое лицо рукавом балахона. Никогда ещё мне не было так... душно и противно. Не только из-за заполонившего крошечную молельню дыма свечей, но из-за клубившегося внутри сгуст-

ка адового ощущения несправедливости бытия, ненависти ко всему мужскому роду, неизбежного осознания безысходности ситуации и собственного положения. Дикое ослепляющее безумие отсутствия выбора...

Колени заныли уже сейчас, на третьей минуте в непривычной позе. Попробовала сместить вес тела чуть назад, но тут же вернулась в исходную позицию - так ещё хуже и неудобнее стоять...

- Господи, - Лука начал без предупреждения совсем другим голосом - ровным, певучим, уверенным. - Призри милостиво на рабу Твою Хеонию, прельщённую лестью чрева и плотского веселья... - он метнул в мою сторону тяжёлый прямой взгляд.

Чёрт, я же не запомнила...

- Господи... Призри... рабу...

- Призри милостиво на рабу Твою Хеонию, - Лука повторил громче, но без раздражения.

- Призри милостиво на рабу Твою Хеонию, - быстро отта-  
рабанила, искренне надеясь, что молитва будет короткой, и ноги не успеют сильно занеметь на твердом полу, ибо подушечка оказалась практически бесполезной...



\*\*\*

Время тянулось слишком медленно. Оно будто вообще застыло в моменте вместе с висевшим в комнате смрадом свежей, периодически коптивших в потолок. Законсервировалось в стенах этой молельни, заставляя меня заживо полыхать в безумном огне внутреннего противоречия и корчиться в муках неприятия происходящего...

Первые минут десять я ещё свято верила в то, что этот идиотский кошмар вот-вот завершится, и Лука наконец захлопнет свою книжку. В конце концов, разве он сам не устал и не спешит закончить дневную суету, дабы лечь наконец спать?!

Спустя четверть часа я стала понимать, что муж не собирается сворачиваться в ближайшее время. В какой-то момент сердце радостно забилося, когда Лука сделал минутный перерыв, привычно и споро меняя оплавившиеся в подсвечниках огарки на новые тонкие церковные свечи. Но отчаяние накатило с новой силой, когда он как ни в чём не бывало снова встал к аналою и продолжил чтение...

Температура в помещении казалась запредельной. Настолько, что пот катился уже не только по спине, но и под грудью, и между ног, и по вискам, и по затылку. От напряжения то и дело сводило судорогой бёдра и низ живота. Хоте-

лось сесть на коленки, но позвоночник отдавался болью при любом движении. По щекам всё также периодически текли слёзы, вызванные чудовищной злостью и непримиримым отчаянием...

- ...Даруй мне силу и крепость воли, да изгоню вон гнездящуюся во мне страсть и да поживу в трезвении, благочестии и твёрдой вере...

От ровного сильного голоса Луки, не замолкающего ни на минуту, хотелось лезть на стены. Выть. Сыпать проклятиями.

Но я упорно повторяла за ним слова, часто путая их и переставляя местами фразы...

Глаза слезились от плотной дымной завесы. В горле першило до тошноты. От жажды распух язык, болели связки. Тело и вовсе одеревенело, и пульс в ушах стучал громче ненавистой молитвы...

- ...Да простив нам согрешения наша, не отвратит милости Своя от людей Своих, но да укрепит нас в трезвости и целомудрии...

Казалось, в этом человеке сосредоточилось всё зло мира. Для меня так точно. И с каждым произнесенным словом я ненавидела его сильнее и сильнее...

Конечно, я знала, что если я попрошу стакан воды, Лука не откажет. Но мне злорадно не хотелось этого делать - пусть, пусть я упаду в обморок, и ему будет хуже! Ему! Не мне...

- ...Услышь прибегающих к тебе, одержимых пагубным

пристрастием к винопитию...

С трудом подавила очередной зевок - пару раз я ловила себя на том, что проваливаюсь в сон прямо так, стоя на коленях. Стоило только прикрыть глаза, и сознание блаженно отрубалось...

В какой-то момент мне стало казаться, что это будет продолжаться вечно. Что я уже никогда не увижу свет солнца, не глотну свежего воздуха, не сбегу босыми ногами с крыльца, чтобы покурить в своём закутке, не заберу заказанные на маркетплейсе товары, не напишу сообщение бывшему мужу... Всё это вообще вдруг осталось где-то далеко-далеко, в какой-то прошлой жизни, память о которой вот-вот сотрётся, и останется только эта комната, дымная вонь, твёрдый пол, чужие кеды рядом с моим коленом...

- ...В трезвении и светлом уме возлюбиши воздержание и благочестие, и вечно прославляли Всеблагого Бога, всегда спасающего Свои создания... Аминь.

Лишь спустя десять секунд до меня дошло, что в молельне наступила относительная тишина - Лука наконец закрыл книгу, и теперь отошёл к столу, убирая её на место...

Всё?!

Всё...

С облегчённым выдохом ушли последние силы - только сейчас осознала, что колени словно выросли в пол, но при этом ноги тряслись так, что казалось, будто они сейчас сломаются. Спина точно переломится, если я хоть немного разо-

гнусь...

- Поднимайся, - Лука даже не смотрел на меня, прямо пальцами гася фитильки недогоревших свечей. - Хватит на сегодня.

Честно попыталась гордо встать с колен...

Не смогла даже поднять руку, чтобы ухватиться за стоявший неподалёку стул - плечи, оказывается, тоже задеревенели, как и шея - она поворачивалась из стороны в сторону, но вверх-вниз уже не могла. Пришлось сначала опуститься на четвереньки, проползти полметра по полу, то и дело припадая вниз, чтобы разогнать кровь и заставить работать затёкшие мышцы...

Лука наконец брезгливо покосился в мою сторону, перекладывая книги друг другу на друга.

Что-то подсказывало мне, что мы закончили молиться не тогда, когда это потребовалось моей душе, а в аккурат тогда, когда Луку отпустило, и он перестал предаваться так называемому греху гнева, ибо сейчас он выглядел и вёл себя гораздо спокойнее.

- Ноги болят? - он равнодушно прошёл мимо меня, принялся складывать аналой. - Это с непривычки. Полтора часа выдержала - молодец, - в его сухом голосе не было реального одобрения, только констатация факта.

Полтора часа?! Всего полтора часа?

Я думала, мы провели здесь всю ночь, а может и утро тоже...

- Руку дай, - прохрипела, едва ворочая языком. Оторвала ладонь от пола, морщась от болезненных ощущений, но не забыв при этом хоть немного выгнуть спину для более красивой позы. Чертыхнулась про себя, когда между лопаток до самой поясницы прострелило болью...

Лука наконец сделал шаг в мою сторону. Сел на корточки прямо передо мной...

- Нууу... Совсем худо, смотрю, - он недовольно поджал губы. - Сядь для начала. Сейчас воды налью, - снова поднялся, бодрой походкой направился к выходу...

Легко сказать сядь! Сделать практически невозможно...

Порыв ветра от открывшейся двери придал сил - в доме до сих пор пахло свежей выпечкой, сладковатой корицей, чем-то ещё - уютным, домашним, тихим...

Снова проступили слёзы на глазах, на этот раз от какого-то детского восторженного облегчения - прошло всего полтора часа, да я даже выспаться ещё успею! И как же, оказывается, хорошо бывает там, за пределами этой комнаты...

Лука вернулся быстро. Снова сел на корточки, сам поднёс к моим пересохшим губам стеклянную кружку с кристальной чистой водой...

Пила жадно, давясь каждым глотком, даже смогла поднять руку, чтобы придержать стакан. Ненависть и раздражение по отношению к Луке куда-то делись в этот момент - их перекрыло блаженное облегчение, почти счастье...

- Иди сюда, - муж внезапно отставил стакан в сторону, ко-

гда я допила остатки воды. - Давай, осторожно... - он просунул руку мне под живот, пытаясь приподнять с пола... - За шею держись...

Не вышло - тело совершенно перестало меня слушаться. Но мне и не хотелось стараться самой - это же он меня довёл до такого состояния, вот пусть теперь думает, что со мной делать! Помучается совестью хотя бы...

Впрочем, муки совести в отношении моей персоны у Луки явно отсутствовали - поняв, что толку от меня нет никакого, он с раздражённым вздохом встал в полный рост. Демонстративно вернул мне на плечо сползший ворот платья, тут же локтём перехватил меня под грудью, легко поднял в воздух, переворачивая прямо на весу лицом вверх, отчего у меня в прямо смысле захватило дух...

Злорадное чувство мести вышло на первый план - пусть тащит теперь! Желательно бережно и аккуратно, да!

Лука подхватил меня второй рукой под задницу, притянул к своей груди...

Выдохнула, счастливо жмурясь - всё-таки теплые мужские объятия и какая-никакая забота явно лучше и приятнее твёрдого холодного пола, да. И неважно, чьи именно это объятия, просто сейчас в них комфортнее, чем было до этого момента...

Нарочно прижалась к Луке покрепче, заставляя его почувствовать мою женскую слабость и хрупкость в сравнении с ним; специально впечаталась грудью в мужское предпле-

чье, в некотором роде назло даже, ибо мне реально хотелось прямо сейчас доказать этому наивному святому бирюку тот факт, что все эти молитвы, вся праведность, какие-то глупые попытки вразумить меня или очистить мою душу - просто пшик в сравнении с возможностью... банально меня трахнуть. Я успела очень хорошо уяснить, насколько Лука зависим от меня в этом плане, да. И насколько он в принципе идёт на поводу своей похоти, не имея возможности противостоять собственной слабости, когда мы оказываемся в одной постели...

Конечно, происходящее между нами сложно назвать настоящим полноценным сексом - Луке в некотором роде неприятно прикасаться ко мне, ему не нравится испытывать вожделение, он торопится быстрее завершить процесс, дабы как можно меньше взаимодействовать с такой грешницей, как я, но... Он неизменно это делает каждый вечер. И мне каждый раз смешно от того, как быстро испаряется с него вся набожность в течение нескольких минут интимной близости...

И сейчас мне тоже нужно ощутить это. Собственную силу в сравнении со всей этой добродетелью. Свою значимость в противовес какому-то благочестию. По крайней мере, это даст возможность почувствовать себя отомщённой что ли...

- Ой!.. - неожиданно ойкнула, когда Лука переступил порог молельни, выходя со мной в коридор.

Муж только поднял бровь, опустив равнодушный взгляд

в мои испуганные глаза.

- Кровь застоялась? - он понимающе усмехнулся. - Терпи.

Чудовищные мурашки побежали под кожей в полную силу. Тело стало совсем чужим, тут же началась болезненная ломка, непрекращающаяся чесотка, нестерпимо захотелось затрясти всеми конечностями разом...

- Это тебе за твои грешные помыслы, - Лука, кажется, развеселился, толкая дверь в спальню и снисходительно разглядывая меня, зачем-то кусающую тыльную сторону своей ладони...

Грешные помыслы?!

К ненавистным мурашкам добавился стыдливый жар во всём теле, щёки и вовсе сделались пунцовыми...

Он же не умеет читать мысли, правда?!

И всё равно неловко сейчас...

Муж спокойно опустил меня на кровать. Убрал руки, отвернулся, совершенно не реагируя ни на вновь сползший вырез сорочки, ни на моё оголившееся плечо, ни на моими стараниями видневшуюся до самых сосков грудь...

Плюхнулась спиной на кровать. Тут же села, принялась старательно растирать икры, ступни, сгибать и разгибать колени, произвольно задрав балахон до самых бёдер...

Лука даже не обратил внимания на это. Устало потёр ладонью лицо, снова развернулся к выходу... Молча покинул спальню, по пути выключив основной свет.

Осталась гореть только настольная лампа на столе...



Почему-то с уходом мужа неистовый зуд под кожей стал стихать как по волшебству. Тут же наступило приятное томление, предшествующие моменту, когда вот-вот отпустят некомфортные ощущения...

Откинулась спиной на подушку. Закусила губу, разглядывая тени на потолке, незаметно прикрыла глаза...

Господи, как же я устала от этих молитв. От всего устала! А самое страшное - лучше нигде не будет, потому что Глеб с каждым днём всё дальше и дальше уходит в свою жизнь, и наши пути расходятся окончательно... Но я не хочу этого! И я постараюсь не допустить подобного исхода...

Дверь снова открылась. Послышались негромкие шаги...

Почувствовала резкий острый запах табачного дыма. Едва не захлебнулась слюной...

Между ног привычно стало жарко - определённый рефлекс, невольно выработавшийся за короткий промежуток времени жизни в этом доме.

- Легче? - Лука погасил лампу, подошёл вплотную к кровати, откинул одеяло.

- Угу, - даже говорить было лень, не то что трахаться. Но раз надо, значит надо...

Муж лёг на свою половину кровати. Глубоко вздохнул, устраиваясь в привычной позе на спине.

- Спи. Спокойной ночи, - грубо бросил в мой адрес...

Даже приоткрыла глаза, косясь в его сторону. Серьёзно?

Пффф. Сам же не выдержит и десяти минут, полезет под

ночнушку. Да ведь?! Да?

- Спокойной ночи... - тихо ответила, наблюдая за тем, как лежавший с закрытыми глазами Лука будто с помощью каких-то практик успокаивает дыхание, расслабляет мышцы и тело, явно действительно собираясь погрузиться в сон...

Снова уставилась в потолок. Выждала четверть часа...

Лука тихо засопел. По-настоящему... Ещё какое-то время, и он начнёт храпеть, а значит надо успеть уснуть до этого момента. Но... Я думала... Я была уверена даже! Я же к нему так прижималась только что...

Почему-то накрыло волной настоящей глубокой досады - муж впервые уснул рядом со мной так просто, без выполнения супружеского долга. Будто ушатом ледяной воды окатил... В сравнении с этой чисто женской обидой даже полтора часа в молитвенной позе кажутся нелепым пустяком!

Лука уже начал посвистывать, дыша глубоко и размеренно...

Торопливо повернулась на бок, накрылась одеялом по самые уши - надо спать быстрее.

Но как же неожиданно обидно всё-таки...

Выходные.

Когда-то давно я любила их. В какой-то почти стёршейся из памяти прошлой жизни, в преданных забвению воспоминаниях. Тогда, когда Марьяшка была совсем маленькой, и мы каждый будний день вставали в несусветную рань и ходили в сад, потом в школу, но в субботу и воскресенье неизменно спали до обеда, и это был настоящий праздник. Тогда, когда Глеб работал с утра до ночи, но по выходным нередко оставался дома, и мы гуляли в парке всей семьёй, ездили на какие-то мероприятия, устраивали маленькие семейные торжества. Тогда, когда от простого осознания того, что неделя подошла к концу, в душе возникало чувство удовлетворения и завершения крошечного этапа жизни...

Кажется, с тех пор минула вечность.

После ухода Глеба выходные перестали для меня существовать. Все дни как-то незаметно слились в сплошную серую массу, и единственное ощущение, которое я испытывала - бесконечный свободный полёт с ускорением в глубокую пропасть. Гнетущее осознание того, что в моей жизни больше не будет градации на будни и воскресные дни, а если и будет, то совсем с другим восприятием и совершенно противоположными эмоциями...

Сейчас я ощущала примерно тоже самое. С той лишь раз-

ницей, что ещё несколько недель назад все мои дни были сродни унылым дождливым выходным, а теперь они внезапно превратились в чёртовы рабочие сутки, где даже отдых подразумевает под собой какое-то дурацкое занятие...

И это невыносимо раздражало. Мне слишком не хватало времени на себя, на собственные мысли, на осознание своей жизни. Боль из души сочилась по капле, затапливая сознание. Я чувствовала себя несчастной настолько глубоко, что даже общение с детьми или Лукой воспринималось как нечто праздное и развлекательное. Хоть какое-то разнообразие на фоне ненавистной рутинной работы по дому...

Но в красные дни календаря не срабатывало даже это. Скорее наоборот - ненужное взаимодействие с членами так называемой семьи воспринималось как тяжкое бремя.

Разве суббота и воскресенье даны Богом не для того, чтобы мы полноценно отдыхали?! Высыпались как следует, лежали и нихрена не делали, предавались безделью и творили всё, что душе угодно?

Откуда это навязчивое стремление перелопатить весь огород, скосить и без того идеальный газон, перестирать все шторы и покрывала в доме, наготовить еды впрок на несколько дней, выбить пыль из немногочисленных ковров, затопить баню, перекрасить и без того приличный сарай, заменить лопнувшее стекло на одной из теплиц, и всё это между относительно короткими богослужениями в церкви, куда мы должны непременно явиться всей семьёй?!

Жесть какая-то...

А ещё лес.

Я надеялась, что Савка в своё время ляпнул про возможную лесную прогулку только из вежливости, но оказалось, зря я так думала. Парень был настроен очень серьёзно, уверенный в том, что мама Хеония придёт в бурный восторг от неземных красот природы.

И вот теперь я вынуждена была плестись следом за всеми среди высоченной травы, цеплять грязным подолом пропитавшегося потом платья все кусты, задыхаться от послеобеденной жары, стонать сквозь стиснутые зубы от беспорядочных укусов клубившихся вокруг озверевших комаров, утопать по колено в непрсыхающей грязи, мысленно вспоминая и Бога, и чёрта, и инопланетный разум...

Впереди шёл Лука. Со стороны казалось, небыстро и тяжело, словно медведь. На деле - он пёр как танк, будто вообще не чувствовал дискомфорта или усталости. Совершенно не реагировал на гнус и мошкар, не проваливался на кочках, не обжигался крапивой, не хотел по нужде и не нуждался в отдыхе. Легко и непринуждённо нёс в каждой руке по огромной плетёной корзине - на случай грибов, как я поняла.

В шаге за ним торопился Савелий - такой же камуфляжный костюм, как у отца, одна сравнительно небольшая плетёнка в руке, то и дело спадающая на глаза кепка... Мальчишка изо всех сил старался соответствовать родителю. Даже когда спотыкался или отмахивался от осы - он не визжал

и не паниковал, справлялся сам. Впрочем, явное расположение папы по отношению к сыну заметно было невооружённым глазом - Савка единственный, с кем Лука разговаривал во время дороги, подшучивал, даже вроде как спрашивал совета, проверяя мальчишеские познания...

За этими двумя почти бежала Лиза - бойкая, гибкая как лань, в летнем льняном зелёном платье чуть ниже колен, с непослушной косой, с маленькой пятилитровой корзинкой в руке, она казалась героиней какой-то сказки, случайно оказавшейся в нашем мире...

А дальше, отстав сначала на пять, потом на десять, а теперь и вовсе на двадцать метров, шли мы с Настей. Точнее, сначала топала привычная к подобным прогулкам Настюха, а потом уже ползла я...

Грибы в лесу действительно были. В моём понимании они отличались всего по двум признакам - лисички и все остальные. Первые рвать можно и нужно, вторые не стоит, ибо неизвестно, подберёзовик это или какая-нибудь ложная поганка. Да и не люблю я все эти подосиновики и боровики - их готовить целое искусство. Куда проще лисички - ничего не надо делать, знай суп вари и картошку жарь...

Лука собирал всё подряд. Аккуратно срезал ножичком ножку гриба, проверял шляпку, кидал в корзину. Савка делал так же.

Лизка, как и я, предпочитала лисички, которых было больше всего среди редкой травы, пересохшего мха и пере-

гнивших прошлогодних листьев. Даже украдкой чистила их по дороге, чтобы дома меньше возиться.

Настя... тоже что-то собирала в свою крошечную поллитровую корзиночку. С восторгом и трепетом, с неподдельным энтузиазмом, пристально рассматривая каждый неказистый гриб как настоящее чудо природы.

И я... тоже. Собирала и рассматривала. И не могла никак ни собрать хотя бы половину своей дурацкой литровой корзины, ни рассмотреть под шляпкой что-то стоящее, чему можно восторгаться.

Я вообще ничего не могла. Потому что комары. Потому что жарко до одури. Потому что нахера нам столько этих ненавистных грибов? Шампиньоны можно купить в каждом минимаркете в любое время года, даже здесь, в деревне! Тогда зачем это всё?! Ради прогулки? Так гулять налегке проще, чем с корзинами! И вообще...

- Мама Хеония, смотри! - Настя оглянулась, указывая перепачканной ручкой куда-то в траву. - Там ягодка! Она съедобная? Можно сорвать?

Я даже не смогла разглядеть эту самую ягодку, сколько бы ни старалась.

Глубоко втянула носом перегретый лесной воздух, из последних сил сдерживая клокочущее внутри раздражение. Утерла солёный пот со лба, осмотрела свою грязную и пахнущую слизнями ладошку, глотая слёзы.

- Не знаю, Настён. Я не разбираюсь. Спроси лучше у папы.

- Пааап... Смотри! Это можно есть? - Настасья быстро переключилась на отца.

Лука резко оглянулся на её окрик. Поставил корзины на землю, вернулся на добрых пятнадцать метров назад, с каким-то презрением игнорируя меня... Склонился к месту, куда указывал детский пальчик...

- Земляника это. Не поспела ещё, видишь, Насть? Один бочок только розовый... - он присел на корточки, бережно раздвинул какие-то ветки и лишайник. - Всему своё время в природе, дочка... - Лука любовно поправил трёхлапый листочек. - Рано. За земляникой надо к середине месяца идти.

- Папочка, давай это мой кустик будет? - Настя, от души довольная тем, что нашла такую ценность, запрыгала рядом с отцом. - Мы веточку сюда воткнём, чтобы потом я отсюда ягодки собрала! Помнишь, как в прошлом году?!

Лука хитро улыбнулся. Так лучисто и светло, что я даже замерла, глядя в его в миг помолодевшее лицо...

- Давай. Во-он ту палочку неси, - он указал на какое-то трухлявое и поросшее мхом дерево, валявшееся в паре шагов от нас. - Тут солнечно, вот ягодка твоя и торопится поскорее созреть...

- Да! Я сейчас... - Настюха припустила за палкой. Через пару секунд вернулась обратно, во все глаза наблюдая за тем, как отец аккуратно вгоняет ветку в почву на небольшом расстоянии от кустика, чтобы не повредить корни. - Папа, ты только запомни место, ладно? - девчушка принялась радост-



но скакать вокруг. - Не забудь только, хорошо?

- Не забуду, - Лука торжественно кивнул, поднимаясь на ноги. - Всё, давайте дальше, время не ждёт...

Утёрла нос тыльной стороной ладони, глядя на то, как все дружно выстраиваются гуськом и следуют за главой семейства. Блять, и трогательно это всё с одной стороны, но с другой - весело им шагать по лесу, ага, а возиться с кучей грибов будем мы с Лизкой вдвоём. И займёт это явно не один день...

\*\*\*

Я давно перестала ориентироваться во времени и пространстве. Голова кружилась, болела, пульсировала от влажной лесной жары, от жажды, от злости и бессилия. Искусанная хер знает какими насекомыми кожа воспалилась и покрылась зудящими волдырями, которые я безжалостно исцёвывала в кровь как шелудивая кошка. От пота жгло глаза, от усталости ныли все мышцы, стёртые до мозолей ступни саднили и отдавались болью при каждом шаге. Одежда намертво прилипла к телу, подол платья стал похож на лохмотья, под платком сопрели все волосы. Я в прямом смысле задыхалась от этого чёртового леса и его так называемых даров, меня тошнило от запаха грибов, я оглохла от комариного писка и голосистого пения птиц. Это не моя жизнь, не моё место под солнцем, не моя вселенная...

- Как Вы? - Савка уже не в первый раз задавал мне этот вопрос, доверчиво заглядывая в лицо. - Хорошо же погуляли, правда? Грибов вон сколько набрали! - он горделиво по-

махал своей корзинкой. - А красиво как... - его благоговейный взгляд метнулся к вершинам деревьев. - Правда же? - мальчишка с надеждой уставился мне в глаза.

Я ненавижу лес. Ненавижу все эти ёлки, берёзы, кусты, кочки, мошкару, кукушек и дятлов, следы лосей и медведей, какие-то цветочки и каких-то букашек. А в особенности я ненавижу грибы. Да я вообще ненавижу весь этот грёбанный мир!

- Я нормально, - улыбнулась колоссальным усилием воли, прикрывая на миг глаза. - Устала немного... Никогда так долго... не гуляла по лесу, - я виновато развела руками. - А грибов и правда в этом году... много.

Дохуя этих чёртовых грибов! Почему на них такие конские цены у нас в городе, если это добро растёт прямо под ногами?! Впрочем, если я раньше очень любила грибы, но сейчас я их просто на дух не выношу. И есть их не буду! Лучше уж картошка - её я, оказывается, ненавижу гораздо меньше хотя бы за то, что она растёт прямо во дворе...

- Привыкните! - Савка удовлетворённо кивнул. - Зато знаете какой сон после такого путешествия? - он улыбнулся, покачивая головой, дождался моей ответной вымученной улыбки, снова убежал вперёд к отцу...

Да уж. Сон явно будет отменным. Но я и без подобных вылазок на режим не жалуюсь...

Лес постепенно редел - деревья расступались, прогалины попадались всё чаще, вдали периодически слышался лай

собак. Мы прошли какой-то мудрёный круг по грибному маршруту, и теперь осталось потерпеть совсем немного...

Лука хмурился в больше и больше к концу пути. Тоже устал - на висках блестел пот, шаг стал резче, он то и дело разминал плечи, но не выпускал плетёнки из рук. Дети тоже притихли, разморенные жарой и физической нагрузкой. Молча шагали рядом, и даже неугомонная Настёна больше не скакала. А уже перед самым выходом из леса младшая сестра и вовсе жалобно попросилась к папе на шею, и Луке пришлось всё-таки поставить свои грибы на землю, подхватить дочку на руки, водрузить себе на загривок, лишь после этого вновь поднять корзины и продолжить путь...

Боже, наконец-то с пригорка видно дома! Какой-то километр, и всё закончится...

На первом повороте Лука снова остановился. Почему-то бросил пристальный и какой-то виновато-тяжёлый взгляд на Лизу... Молча спустил с плеч Настю, кивнул старшей дочери на дорогу...

Девушка будто поняла его без слов - скорбно кивнула, подхватила свою и Настюхину корзинку, оглянулась на меня, взглядом показывая следовать за ней, сама продолжила прежний путь вместе с братом и сестрой...

С недоумением пошла вслед за детьми. Обернулась украдкой, но увидела лишь спину мужа - он зачем-то пошёл в противоположную сторону, понуро опустив плечи и голову, будто полные грибов корзины, ещё пять минут назад не весив-

шие совсем ничего, вдруг обрели тяжесть гранитных камней...

- Лиз... - в моём голосе отчётливо проступила тревога, не лишённая любопытства. - А куда папа...

- Там кладбище, - девушка грустно улыбнулась, бросив на меня светлый печальный взгляд. - Он на могилку к маме зайдёт ненадолго...

Это знание не отпускало ни на миг - Лука на кладбище, навещает могилу покойной жены.

Мне по сути от этого было ни горячо ни холодно, но почему-то не думать об этом не получалось...

Сознание наконец вырвалось из временной петли леса. Теперь минуты приобрели вес, потекли своим ходом. Появилось ощущение вечера, проклюнулось чувство голода, зародились здравые мысли об отдыхе...

Мы успели неторопливо вернуться домой, затолкать грибы в погреб, дружно попить холодного компота - Луки ещё не было.

Первыми мыться пошли Настя с Лизой - младшей требовалось не просто искупаться, а как следует промыть голову и осмотреть труднодоступные участки тела на наличие клещей. Эта процедура заняла у девчонок не менее получаса, за которые я втихаря успела сделать себе кофе и тайком торопливо выкурить за крыльцом несколько сигарет. Всё-таки как хорошо... ну пусть будет дома, да.

Тело начало потихоньку расслабляться и остывать - мышцы уже частично отекали, стали побаливать, ноги и вовсе заныли от самых пяток до ягодиц. Разморило так, что потянуло в дремотный сон, голова звенела пустотой и фантомным остаточным писком комарья.

Лука так и не явился за это время...

После девчонок пришла моя очередь идти в ванную - Савка всегда неизменно и безоговорочно уступал женскому полу, когда того требовали обстоятельства.

Контрастный душ - сначала нестерпимо горячий, рассеянный, от которого кожа распарилась до красноты, а лёгкие горели от переизбытка пара, потом упругая прохладная струя, будто дробящая каждый сантиметр тела. От усталости подобная процедура здорово помогает, и когда-то я наивно думала, что знаю секрет вечной молодости и правильного тонуса жизни... Но здесь, в общине, я поняла, что кто-то осведомлён об этом гораздо лучше меня, а если точнее, то все - тут было нормой мыться практически кипятком и полоскаться в прямом смысле ледяной водой, к этому детей приучали с рождения, и даже Настя только недоумённо фыркала на температуру моей воды - сама она легко переносила гораздо более высокие и низкие перепады.

...Прислушалась на миг к шуму из коридора - Лука вернулся? Чёрт, показалось, просто дети переговариваются...

Чистые мягкие трусы с лёгким ароматом травяного ополаскивателя, уютно сидящие заднице, взамен вонючего пропитанного солью белья, любимый голубой сарафан, только что снятый с верёвки после стирки - что может быть прекраснее в этой жизни?! Ни-че-го. Разве что промытые как следует волосы. И смазанные сливками ступни в хлопковых белых носочках. И запах свежести собственного тела. И лиш-

няя чашка кофе в комфортной позе, пока дети не видят...

Лука так и не пришёл. До сих пор...

Пока Савка принимал душ, я снова вышла во двор. Прикурила сигарету, прячась на площадке за высоким крыльцом, зачем-то то и дело поглядывая на калитку - ну когда уже она откроется, и Лука явится домой? Не то чтобы он мне тут сильно нужен... Но я же беспокоюсь всё-таки! Ещё с корзинами этими попёрся... Может, устал так, что не утащить теперь? Меня вон как разморило после отдыха...

Нервно покусывая губы, затушила окурок в крошечную баночку, стоявшую под доской ступеньки. Вернулась в дом...

Лизка как раз крутилась на кухне - голод не тётка, есть после леса хотелось всем, а до ужина ещё как минимум час, и сейчас самое время хоть что-то отрыть в холодильнике и заморить червячка на непродолжительный срок.

- Лиз, - я тоже по её примеру вытащила из ящика сморщенное прошлогоднее яблоко, каким-то чудом сохранившееся до самого лета в погребе, как и картошка. - А папа не сказал... когда придёт?

Я знала, что отец не произнёс ни слова, когда свернул в другую сторону, но дети восприняли это событие настолько спокойно, что создавалось впечатление, будто подобное происходило не раз и даже не два. А Лизку главное разговаривать...

- Неа, - девушка тряхнула мокрыми волосами. - Он может хоть час там побыть, хоть полдня, если один. Было время

- и вовсе ночевал там... - она грустно шмыгнула носом. - Я тоже часто бываю у мамы. И мелкие...

Передёрнуло почему-то... Господи, как я вообще попала в эту семью?! Зачем? У Луки была прекрасная жена, у детей - замечательная мать. Разве можно перекрыть такую потерю... мной?!

- Понятно, - опустила голову. Отложила было недоеденное яблоко на стол, но тут же взяла обратно, откусила ещё кусочек, принялась жевать без воодушевления - брать нужно ровно столько, сколько сможешь одолеть, да. А уж если взяла - будь добра доесть. Чёрт побери, и почему это правило так запало мне в душу? Единственное и прижилось в моём сознании...

- Не переживай! Скоро придёт! - Лиза выкинула огрызок в контейнер под раковиной. - Через полчаса будем ужин греть, есть хочется... - она мечтательно закатила глаза. - Тебе пока моя помощь не нужна?

- А?! - я вскинула голову, утопая в своих мыслях. - Нет-нет, спасибо, Лиз, - закусила губу, снова бросила взгляд в окно на закрытую калитку, уже с меньшим энтузиазмом ожидая того, что она сейчас откроется, и Лука войдёт во двор... - Слушай, Лиза, я отойду ненадолго, ладно? - я быстро оглянулась на уже уходившую из кухни девушку.

- Конечно, - та только пожала плечами, улыбнулась перед тем, как исчезнуть за стеной...

Глубоко вздохнула, расправляя плечи и решаясь на оче-



редной нелогичный поступок. Взяла брошенный на подоконнике чистый платок, быстро повязала его поверх влажных распущенных волос, направилась к выходу из дома. Спустилась к крыльца, пересекла двор, толкнула калитку, с надеждой всматриваясь в сторону леса - вдруг Лука уже идёт по дороге...

Не идёт.

Чьи-то дети бегают в конце улицы, одна из соседок тащит воду с колодца - не у всех есть водопровод с местной скважины, бабульки в чёрных одеяниях сидят на лавочке через два дома, греясь в лучах предзакатного солнца, свора непуганных котов на обочине - тоже развалились пузом кверху, несколько куриц гуляют прямо по канаве чуть впереди...

Больше никого. И от этого почему-то тревожно и тоскливо на душе...

До кладбища отсюда около километра. Есть обходные пути, но Лука наверняка пойдёт прямой дорогой. В конце концов, никто ведь не запрещает мне выдвинуться мужу навстречу, правда? Надеюсь, по крайней мере...

\*\*\*

Кладбище оказалось гораздо больше, чем я себе представляла изначально.

Если все улицы общинного поселения вели к храму, стоявшему на берегу реки, то все дороги достаточно большой деревни сходились, по всей видимости, именно здесь. Ограды вокруг территории не было - могилы располагались будто

прямо в лесу. Хотя, скорее всего, деревья выросли тут уже после того, как это место было отдано усопшим. И всё-таки незримая грань ощущалась очень остро - по эту сторону мир живых, по другую - царство мёртвых...

Я никогда не задумывалась о том, как правильно входить на кладбище. Я и не хоронила никого в своей жизни, к счастью. Так только - дальние родственники, на похороны к которым нужно было ненадолго явиться вроде как по долгу кровных связей. Но там и вопросов не возникало - пришла, отметилась, ушла. А здесь...

Воровато оглянулась по сторонам, прежде чем сойти со старой разбитой дороги на обочину и сделать шаг в сторону первых погребений. На всякий случай быстренько перекрестилась - мало ли...

Место оказалось неровное, холмистое. Могилы в большинстве своём тоже не были огорожены, хотя выглядели достаточно ухоженными. Редко попадались самодельные оградки - из кольев и невысокого частокола, из трогательных плетёных веревочек или ленточек, из кусков шифера или воткнутой в землю арматуры...

Изредка взгляд падал на совсем древние захоронения - на очищенных от мха камнях отчётливо читались выбитые надписи, датированные аж концом позапрошлого века. Вокруг таких мест уже всюду разрастался настоящий лес - ещё несколько десятков лет, и кроме старой надгробной плиты не останется ничего, даже холмика...

Дважды взгляд зацепился за совсем свежие могилы, засыпанные еловыми ветками и венками.

Похоже, хоронили здесь вразнобой, там, где есть достаточно свободного места. А его здесь действителено много даже сейчас...

Метров через двести стало совершенно очевидно, что кладбище уходит глубоко в лес. По правую сторону от хорошо протоптанной тропинки, окружённой вековыми могучими дубами, высаженными кем-то раскидистыми каштанами и стройными берёзами, виднелись стандартные разномастные кресты, типичные памятники и надгробия, даже, кажется, какие-то мемориальные доски. А вот по левой стороне всё больше тянулись практически одинаковые столбы-кресты - деревянные, искусно вырезанные из цельного массива, восьмиконечные. На некоторых из них местные умельцы выжигали рисунок в виде виноградной лозы или веточки берёзы с серёжками... Здесь также встречались совсем старые, покосившиеся от непогод и времени столбики, укрытые сенью подросших деревьев и кустов. И были относительно свежие могилки, до сих пор усыпанные цветами и лентами. Травы не было - её с явной периодичностью выкашивали практически под газон.

Вот оно, кладбище старообрядцев...

Остановилась.

Мои шаги стихли...

От тишины этого места зазвенело в ушах. Где-то в выши-

не беззаботно пели птицы, но их трели доносились будто издалека. Даже комаров не наблюдалось.

Выдохнула. Свернула с тропы, подтянула подол, обошла несколько могил. Поднялась на невысокий пригорок...

Впереди, чуть в низине, раскинулось море крестов. Они занимали каждый свободный от растительности клочок земли, ползли по склонам пологих холмов, уходили куда-то дальше в рощу.

Луку я увидела сразу - он сидел прямо на земле буквально в сотне метров справа от меня. Облокотился спиной о добротный высокий крест, понуро сгорбив плечи, широко разведя колени и устало опустив сжатые в замок руки между ними. Смотрел куда-то в пустоту перед собой...

Вокруг тщательно прибранной могилы Ольги ещё не успели вырасти деревья. Неподалёку скромно покачивалась невысокая берёзка, рядом теснились какие-то кусты, вокруг креста раскинулись россыпи белоснежной гортензии, только начавшей цветение...

Будто почувствовав мой взгляд, Лука повернул голову. Несколько секунд смотрел в упор исподлобья... Глубоко вздохнул, отчего даже с такого расстояния стало заметно, как раздалась вширь его грудная клетка, прижал пальцы к переносице...

Плачет?!

От какой-то удушающей неловкости стало нестерпимо горько во рту...

До крови закусил губу, стыдясь своего прихода, испытывая острую потребность уйти отсюда. Но это было бы глупо, наверное...

Сделала несколько рваных вдохов, успокаивая забившееся невпопад сердце. Опустила подол сарафана, опасаясь разозлить Луку. Всё-таки медленно двинулась к нему, обходя толстые стволы и деревянные кресты...

Он рывком поднялся на ноги. Повернулся лицом к кресту, положил свою большую ладонь на одну из перекладин, опустил голову, замер, практически наваливаясь на свою деревянную опору, то ли прощаясь с Ольгой, то ли читая какую-то молитву...

Остановилась в нескольких метрах от него, ближе подойти не решилась. Неловко потопталась на месте, кусая губы...

- Ну чего пришла? - Лука так и не поднял взгляд на меня, хотя в негромком грубоватом голосе, прозвучавшем чуть хрипловато из-за долгого молчания, не было и тени неодобрения, лишь безграничная усталость и болезненная уязвимость.

Хороший вопрос.

- Да я... Просто. Тебя долго нет, мало ли... - выдохнула как можно равнодушнее, хотя сильно сомневалась в том, что Луку можно обмануть подобными интонациями. Всё он понимает... Но мне зачем-то хотелось изобразить из себя ту самую наивную дурочку, какой он меня считает (считает же?), показать, что я не вижу его слабым в этот момент, дать по-

нять, что не из жалости я это всё... Какое-то странное и непривычное чувство. Когда вместо испытываемого сочувствия есть необходимость не проявлять даже минимальную скорбь... - Переживала, вдруг грибы рассыпались и надо помочь собрать. Или вдруг ты устал настолько, что умудрился уснуть тут, и во сне муравьи тебя кусают...

Лука поднял бровь на мой неуклюжий ответ, словно на миг забыл о том, где находится. На меня саму так и не посмотрел, пялясь в одну точку перед собой.

...Внезапно усмехнулся в бороду... Невесело, без сарказма. Скорее горько и обречённо...

Тяжело оттолкнулся ладонью от креста. Ещё несколько долгих секунд не сводил душераздирающий пристальный взгляд с могилы. Наконец отвернулся...

Но не ко мне. Просто легко подхватил свои огромные плетеные корзины, зашагал мимо меня по едва заметной тропинке вдоль склона...

- Ну? Идёшь? - Лука на миг оглянулся, но больше по инерции. - Жена, ёб... - выразительно замолчал, не закончив грешную фразу.

Вот теперь в его голосе мне почудилась откровенная ирония. Не злая, нет... Скорее трогательная и смешная сейчас почему-то...

- Иду! - тут же отозвалась, подпрыгивая с места и следуя за широкой мужской спиной.

Только сейчас судорожно вдохнула влажный кладбищен-

ский воздух во всю силу лёгких, внезапно осознав, что до этого момента почти не дышала. Выдохнула одновременно и животом, и грудью, расслабляясь от буквально накотившего облегчения. Постаралась не отставать от Луки, явно отлично знающего дорогу, хотя мне даже налегке и с пустыми руками было сложно приноровиться к его размеренному шагу.

В какой-то момент, когда мы начали подниматься вверх по пологому откосу, хотела оглянуться - запомнить дорогу, оценить вид с данной стороны, запечатлеть в памяти неизгладимое величие и красоту этого места...

- Не оглядывайся, когда уходишь с кладбища, - Лука произнёс это будничным и чуть ворчливым тоном, будто прочитав мои мысли. - Конечно, истинно верующим подобные приметы ни к чему, душа всецело Господу принадлежит, но... - он снова едва заметно скривил губы в улыбке. - Нас с детства пугали этими языческими поверьями, - он даже украдкой обернулся ко мне. - Кто знает, вдруг на вас, грешников, это и правда действует, - он всё-таки негромко рассмеялся, глядя на моё вытянувшееся лицо.

- Да тьфу на тебя! - прижала пальцы ко лбу в глубоком фейспалме. Тоже улыбнулась против воли, отчего-то испытывая острую благодарность идущему впереди меня человеку....

За что? Да чёрт его знает. За то, что не прогнал сейчас, в такой важный для себя момент. За то, что снисходительно относится к моим... странностям и неосведомлённости. За

то, что не нуждается в моей жалости и не требует повышенного внимания к себе и своим горестям...

Дальше шли молча.

Лука нёс по улицам свои корзины, здоровался с каждым встречным-поперечным, обязательно спрашивал как дела в доме, в семье, на работе, как мирские, так и Господни. Улыбался где нужно, строил внимательную мину при необходимости, всех ненавязчиво приглашал в церковь на вечернюю службу...

А я шла чуть позади. Шаг в шаг за ним, но на небольшом расстоянии. Почти не поднимала голову, сосредоточившись исключительно на дороге. Вскидывала глаза лишь в том случае, если приветствовали меня лично. Украдкой из-под ресниц наблюдала за мужем...

Лука выглядел будто отдохнувшим. Напитавшимся той самой живительной силы, духовной энергии, помогающей существовать в этом мире... Он словно стал самим собой, и ему явно было легко в таком состоянии.

Даже завидно немного...

Действительно набрался сил? Просидел там в тишине на кладбище несколько часов, подремал, помолился, пообщался с покойной женой, покаялся, груз с души снял - и будто заново родился.

Или всё-таки дело в Ольге...

Впрочем, мне всё равно. Не во мне точно, и этого достаточно.



Обязательная минимальная уборка на этот раз проходила общим составом: я - кухня и ванная, старшая сестра - коридор и прихожая, дети - свои комнаты, Лука - спальня и кабинет. Ужин пришлось готовить на скорую руку с подсказками Лизки (гречневая каша, квашенная капуста из погреба, ржаной хлеб из так называемой местной пекарни с куском сыра, похожего на брынзу, домашний кефир, так же купленный у кого-то из соседей, в прикуску с примитивными, но очень сытными оладьями на молоке, которые мы в четыре руки пожарили за пятнадцать минут на двух сковородках). Случились даже скупые разговоры за столом во время совместной трапезы...

Наверное, мне в некотором роде передалось нынешнее настроение Луки - то ли равнодушие, то ли безучастность, то ли какое-то фундаментальное внутреннее спокойствие. Я будто перестала чувствовать, потеряла способность бесмысленно сопереживать как самой себе, так и окружающим. Словно в душе обтесались острые рваные края любых эмоций, и безумный ураган как отрицательных, так и положительных ощущений сменился на внезапный абсолютный штиль. Исчезла потребность торопиться, пропало желание делать что-либо иначе, чем есть. Притупилась даже элементарная необходимость думать, мыслить и анализировать.

Будто к огромной незаживающей ране приложили волшебный подорожник, и вот он - момент протрации, когда боль наконец отпустила, а новые эмоциональные аспекты ещё не успели сформироваться...

Да, присутствовало чёткое понимание того, что подобное состояние - всего лишь временное явление, но даже само это знание не вызывало ни тяжести, ни облегчения, ни осадка в душе, ничего. И неважно, то ли это равнодушие, то ли безучастность, то ли какое-то фундаментальное внутреннее спокойствие...

Зато гречка с капустой показались вполне съедобными на вкус - каша получилась рассыпчатой, крупинка к крупинке, с лёгкой горчинкой, присущей хорошей грече; от крепкого капустного рассола рефлексивно срабатывала мимика, но хорошо прочищалось горло; кефир оказался слишком густым и кислым в сравнении с тем обезжиренным продуктом, к которому я привыкла в городе, но мне неожиданно понравился этот необычный привкус; оладьи вышли жирными и сладкими - в следующий раз определенно нужно добавить побольше соли; сыр воспринимался нейтральным, но просто таял во рту, я бы килограмм такого слопала, наверное... В целом съедобно, да. Да что там, странно, что я вообще обратила внимание на тот факт, что у подобных продуктов в принципе есть оттенки вкуса - обычно еда либо нравится, либо нет. А сейчас эти понятия будто размылись и смешались между собой...

К моему удивлению, после ужина Лука взялся за грибы сам. Видела в окно, как он обосновался во дворе - поставил для удобства уличный стул, разложил вокруг несколько больших хозяйственных тазов, пристроил поближе шланг для воды, вооружился несколькими видами ножей... Помощи ни у кого не просил, но Савка по умолчанию вышел к отцу и устроился рядом. Лиза предложила своё участие, но скорее из вежливости - отец только тепло потрепал её за плечи и кивнул в сторону дома, скорее всего намекая на необходимость уделить время молитвам с младшей сестрой.

Через полчаса к мужской половине семьи присоединилась и я... Чёрт знает зачем, но я тоже вышла из дома, молча сняла с низкой табуретки одну из корзин, взяла свободный нож, села, придвинув к себе Лизину плетёнку с лисичками и небольшой эмалированный тазик...

Муж ничего не сказал на это. Тоже молча поднялся с места, принёс из сарая удлинитель и переноску, закрепил это добро на специальном крючке на углу дома, включил прожектор, мгновенно отогнавший сумерки...

Наверное, Лука был прав - если участок содержать в чистоте и порядке, вовремя косить траву и не допускать образования луж, то и комаров во дворе будет значительно меньше. По крайней мере, меня они почти не кусали, несмотря на то, что то и дело звенели над головой...

Ещё через час муж отправил домой и сына - неперебранных грибов осталось совсем мало, а детское время почти вы-

шло - максимум минут двадцать можно выкроить на вечернюю гигиену и обязательную молитву.

Сразу после ухода Савки на улицу выпорхнула Лизавета - пожелала нам спокойной ночи, обняла по очереди, чмокнула каждого в щёку... Убежала обратно в дом. Через пару минут погас свет в её комнате, выходявшей окнами на эту сторону...

Молчание. Немного тягостное, сосредоточенное, но не выбивающее из колеи.

Почему-то покраснела из-за поступка Лизы - это равное отношение к отцу и ко мне казалось незаслуженным, несправедливым даже. Кто он для неё, и кто я? Но совесть тоже будто заглохла - раз она так хочет, раз Лука не против, то пусть будет так...

Единственными звуками, нарушавшими вечернюю тишину, были отголоски природы - шепчущий шелест листвы тёмнеющих за забором высоких деревьев, тонкий пронзительный писк насекомых, шорох и сонное чириканье воробьёв в ближайших кустах, едва различимый монотонный гул фонаря, тихое кваканье лягушек в соседской канаве. Изредка где-то вдали раздавался беспричинный собачий лай, зачастую тут же к нему присоединялось другое гавканье из противоположных уголков поселения... Периодически сюда доносились даже людские песни и смех - в деревне явно праздновали какое-то событие. А если долго смотреть в сгустившуюся темноту двора и сосредоточенно прислушиваться к неумолкающей тресконтне неугомонных кузнечиков, пою-

щих на все лады и тональности, то можно и вовсе впасть в транс...

- Иди уже, спишь на ходу. Сам приберу тут.

Вздрогнула от неожиданности, меньше всего ожидая в этот момент услышать грубоватый мужской оклик. Подняла глаза...

Лука не смотрел на меня. Сгребал остатки грибов по дну корзины левой рукой, правой ловко вращал небольшой ножик между пальцами. Хмурился отчего-то...

Наверное, мне бы хотелось остаться до конца. Не ради помощи, скорее чтобы не чувствовать себя бесполезной... Но убирать всё это добро желания не было совершенно, да.

Осторожно отложила нож, отряхнула перепачканные ладони. Поднялась на ноги...

- Тебя ждать? - вопрос прозвучал по-детски глупо, даже как-то наивно, что ли. Будто ответ правда для меня имел какое-то значение.

Лука наконец поднял взгляд исподлобья. Несколько секунд молча изучал моё лицо, недовольно сведя брови к переносице...

- Спать ложись.

Ни да, ни нет...

Опустила голову. Поджала губы, разворачиваясь к дому. Направилась ко входу, незаметно разминая затёкшую спину и плечи... Всё-таки свернула на площадку за крыльцом - я и так сегодня почти не прикасалась к сигаретам, хотя сам Лука

за последние пару часов курил аж три раза! Имею право...

Конечно, он видел. Не мог не видеть - я так и не поднялась по ступенькам, не открыла входную дверь.

Нервничала пока прикуривала - ждала недовольного окрика, ехидного вопроса, провокационного мата в свою сторону...

Нет, ничего. Только высокая тень маячила на освещённом участке двора - Лука собирал пустые плетёнки, переваливал оставшийся мусор в одну корзину...

Торопливо докурила окурок, с тоской думая о том, что вряд ли муж реально смирился с тем, что я ныкаю по углам сигареты. Скорее, слишком устал сегодня, чтобы спорить или читать проповеди...

Наконец поднялась в дом. Тихо прошла по коридору, свет выключать не стала - оставила гореть тусклый абажур, используемый исключительно по ночам. Удобная штука оказалась - выключатель от него имелся практически у каждой двери, в том числе рядом с детскими комнатами и спальней - если кому-то понадобится в туалет, то не придётся спотыкаться в темноте. Как рассказала Лиза - это была мамина идея, и папа легко воплотил её в жизнь, спрятав проводку за горизонтальной деревянной панелью под самым потолком...

Свернула в ванную. Тщательно вымыла руки, стараясь избавиться от запаха грибов, намертво прилипшего к коже. Тщетно... Впрочем, сегодня все провоняли грибным духом, так что особо париться смысла нет.

И всё же...

Злясь на себя за принятое решение и стуча зубами от пробирающей до костей ломоты, напоминающей состояние повышенной температуры, быстро скинула платье и платок, залезла под душ. Волосы мочить не стала - и так чистые, но по телу несколько раз провела мочалкой, щедро смоченной натуральным травяным мылом, имеющим едва уловимый тонкий аромат - прежде Лука покупал подобную роскошь исключительно для дочери, теперь, видимо, по умолчанию будет пополнять запасы для нас обеих...

Наскоро вытерлась ещё влажным полотенцем, набросила на себя безразмерный спальный балахон, буквально засыпая на ходу. Оставила дверь в ванную приоткрытой, чтобы вышел скудный пар, добежала босиком до спальни...

Здесь тоже включила ночник на столе - Лука всегда готовится ко сну при неярком свете. Забралась под одеяло, чувствуя, как в прямом смысле слипаются глаза. Протянула руку к прикроватной тумбочке, достала из ящика листок с написанной молитвой, машинально прочитала про себя расплывающиеся строчки, из последних сил борясь со сном - этот несложный ритуал уже практически вошёл в привычку...

Завернувшись в одеяло до самого подбородка, ощущая, как от усталости начинает колотить ознобом всё тело, как отдаётся болью каждая мышца, как кружится голова от долгожданного лежачего положения. Закрыла глаза, честно пытаюсь уснуть до того, как муж войдёт в спальню...

И даже уснула.

Но почему-то резко проснулась, когда под тяжестью мужского тела едва ощутимо дрогнула кровать. Очнулась, будто вынырнула из глубокого забытья. И кто меня просил?

На уровне слепого подсознания слышала, как Лука поправил своё одеяло, как бесшумно вздохнул, даже, кажется, уловила момент, как он смежил веки...

Знала, что если открою глаза, то уже так легко не смогу провалиться обратно в сон. И всё-таки распахнула ресницы...

Спальня наконец погрузилась в темноту. Шторка на открытом окне чуть заметно шевелилась от ветра, в углу напротив гуляли тени садовых деревьев, иконы на стене поблёскивали в отсветах далёкого фонаря. Уже привычная картина...

Закусила губу, прекрасно зная, что муж ещё не спит, и почему-то опасаясь шевелиться.

Воздух в комнате тоже изменился - добавился аромат чего-то мужского, едва ощутимого, но тяжёлого и резковатого. Я знала, что Лука не пользуется ни парфюмом, ни какими-то ароматизированными косметическими средствами, но всё равно запах ощущался - холодный, похожий на хвойный, с приятным шлейфом, постепенно будто становящимся более мягким и согревающим... Мыло? Дезодорант? Раньше я думала, что это гель для душа, но я перерыла все полки в ванной, но так и не нашла ничего подобного. Значит, что-то



из его кабинета...

Сама не заметила, как судорожно глубоко вздохнула. Тут же притихла, замерла, прислушиваясь к мерному дыханию рядом...

Сорочка снова сползла с плеча, и я зачем-то её поправила, чуть приподнявшись с подушки. Получилось тоже излишне шумно...

Постель подо мной нагрелась до немыслимой температуры, и я чуть сдвинулась к середине кровати, с облегчением ощущая спиной прохладную простынь. Зачем-то повернула голову, мельком глянула на профиль мужа...

Лука никак не реагировал. Дышал поверхностно, но спокойно.

Зато мне теперь стало очень даже беспокойно...

Снова сдвинулась к краю постели в надежде уловить дуновение прохладного ночного ветерка из окна, но безуспешно. Громко сглотнула слюну, чувствуя, как от несвоевременного и непонятного напряжения начинает чесаться всё тело...

Да, мне хотелось спровоцировать Луку. Хотелось, чтобы обратил на меня внимание, чтобы почувствовал рядом с собой женщину, чтобы вспомнил о супружеском долге, в конце концов! Понятно, что он уже утолил первый голод по бабским прелестям, и теперь при любом удобном случае будет сдерживать нужды брэнного тела и ставить в приоритет потребности души, но... Мне казалось, я ему хоть немного нравлюсь...

Шумно вдохнула и нетерпеливо выдохнула, на этот вполне нарочно. Выждала пару секунд...

Затопило раздражением - муж по-прежнему никак не отреагировал.

На миг промелькнула шальная мысль, что он делает это специально...

Подавила ещё один вздох - даже если так, что это меняет? Мне от этого ни горячо, ни холодно. Плевать на причины, результат меня один фиг не устраивает...

Если похерить момент - потом будет поздно, Лука просто уснёт. Или сейчас, или нафиг...

Бросило в жар от принятого решения. Сердце оглушающе застучало под рёбрами.

Уже открыто повернула голову, в упор созерцая мужской профиль, всё ещё надеясь на то, что Лука почувствует мой взгляд и хотя бы откроет глаза... Чертыхнулась про себя, в глубине души искренне завидуя железной выдержке этого человека. Резко оттолкнулась от подушки, подалась вперёд...

Нависла над мужем, склонилась к его лицу. Сглотнула ком в горле, в темноте разглядывая знакомые черты и остро осознавая, что пути назад уже нет...

Лука наконец распахнул ресницы. Несколько секунд смотрел мне в глаза, стиснув зубы...

- Ну чего тебе? - в его голосе слышалось откровенное нежелание вести диалог.

А то он не понимает, чего мне надо...

Боясь передумать, склонилась ещё ниже, игнорируя грохот собственного сердца, намереваясь поцеловать его сжатые губы...

Лука слегка отклонил голову, но этого хватило, чтобы дать понять, что такой расклад его не устраивает.

- Дурью не майся, жена, - теперь его тон стал злым и обвиняющим. - Спи, - он даже положил горячую шершавую ладонь на моё обнажённое плечо, пытаясь отодвинуть меня от себя.

Чёрт же его подери! Неужели он не понимает, как это обидно?!

Истерично усмехнулась, слишком остро переживая собственную неудачу.

- Да и пожалуйста! - я сама дёрнулась назад. - В таком случае мне прямо здесь заняться самоудовлетворением, при тебе? Или лучше выйти в другую комнату?..

Глупая бравада. Меньше всего я сейчас готова была бы к подобным действиям, но если потребуется сделать назло - то почему бы и нет?

Лука внезапно рывком поднялся с подушки. Сел, в сердцах откинув мешавшее одеяло в сторону...

- Ты рот свой закрой! - он повысил голос. - Истерить среди ночи надумала? - муж бесцеремонно вцепился ладонью в мой локоть, дёрнул с усилием, толкнул в плечо, заставляя меня завалиться на спину... - Забудь. Угомонись! - теперь он навис сверху, плюясь полными ненависти словами. - Тебе

что от меня надо? Греховодить возжелала неужто? - Лука язвительно усмехнулся, проходясь по моему лицу и шее уничижительным взглядом. - Или гордыня покоя не даёт, м? - он грубо стянул в кулак сорочку на моей груди, словно хотел приподнять меня в воздух и швырнуть обратно, но вовремя сдержался, лишь слегка встряхнул.

Щёки будто опалило огнём от его едких обидных слов. Но одновременно почему-то безумно не хотелось прерывать этот момент, когда он так близко ко мне...

Прикрыла глаза.

- П-помнишь, что в Библии сказ-зано? - громко зашептала ему в бороду, торопясь озвучить собственную ускользающую мысль. Напрягла память, силясь припомнить прочитанные накануне строчки... - Там сказано "не...", - я зажмурилась, сглотнула ком в горле, боясь неверно истолковать некоторые вещи, - "не уклоняйтесь друг от друга... только если по согласию и на время"... - дословно вспомнить текст не получалось, но, наверное, этого и не требовалось. - "...И для... молитвы... тоже... А потом опять...", - запнулась, соображая, чем можно заменить слово "трахайтесь", - "опять... это... вместе... чтобы не было... искушений всяких про... невоздержание"... - выдохнула наконец. - Ну или что-то такое там было... - я даже неловко улыбнулась, жмурясь ещё сильнее...

Секунда. Две, три, четыре...

Лука молчал. Тяжело сопел в полуметре от моего лица.

Постепенно ослабил хватку, выпуская из пальцев ткань ночнушки...

- Ну и ну, - теперь его голос стал чуть сиплым, тон ядовито-саркастичным, но почему-то лишённым какого-либо энтузиазма.

Я неуверенно приоткрыла один глаз. Потом второй.

Сердце билось на последнем издыхании. Это капитуляция с его стороны, да?! Или я окончательно всё испортила?

Закусила губу, протянула руку, коснулась ладонью его заросшей щеки, замирая от какого-то удушающего волнения...

- Поцелуй меня... Пожалуйста...

Лука отвернулся. Будто с презрением, с обидой даже...

Снова посмотрел мне в лицо. Без особого восторга наклонился ниже, прижался губами к моим губам...

От ощущения собственной победы в прямом смысле закружилась голова. Толчок адреналина в груди перебил дыхание, физически сдавил рёбра. Тело отреагировало мгновенно, как по щелчку пальцев расслабляясь и отпуская застывшую вязкую кровь бежать и разгоняться по венам. Низ живота прострелило щекотной болью и тяжестью...

Хотелось рассмеяться. Раскинуть руки и обнять целующего меня мужика, кем бы он ни был. Раздвинуть ноги, обхватить коленями крепкое мужское тело, почувствовать его тяжесть, податься вперёд, ощутить себя наполненной и удовлетворённо-счастливой...

Может, Лука прав, и я действительно слишком развратная

женщина по его меркам? Почему-то сейчас от этой мысли пробудившееся возбуждение стало только острее - но ведь женился же он на мне, хотя знал это!

Муж, мать его...

Всё-таки обняла рукой мощную шею, провела пальцами по коротко стриженному затылку, чувствуя, как по кончикам пальцев струится ток... Огладила ладонью скулу, висок, напряжённый лоб, пересчитывая морщинки...

Улыбнулась, когда Лука отстранился, хаотично задирая подол моего безразмерного одеяния, приподнялась на пятках, помогая ему сдвинуть ткань повыше, а лучше вообще снять с меня этот балахон...

Не снял. Только смял его и вздёрнул до самого подбородка, оголяя бёдра, живот, грудь, тут же покрывшуюся мурашками от порыва воздуха. Снова наклонился к моим губам, впился в них гораздо более жадным поцелуем, будто не желая лицезреть моё обнажённое тело под собой и нарочно сосредотачиваясь на чём-то другом...

Но рукам волю дал по-полной - его горячая ладонь давила на кожу так, будто хотела содрать её заживо. Пальцы безжалостно сжимали талию, щипали соски, сминали бёдра, лобок, несколько раз сомкнулись на горле, заставив меня замереть и поперхнуться избыточной слюной, подавляя пошлый стон...

Наверное, впервые в жизни я готова была кончить вот так - только от одного шумного жаркого мужского дыхания,

опаляющего кожу, от чужих болезненных прикосновений, оставляющих следы в виде синяков, от одной близости раскалённого мужского тела, осязаемого даже на ментальном уровне... Какой-то личный запретный экстаз, даже не имеющий ничего общего с физиологией...

Сильнее вцепилась в мужскую шею, приподнимаясь на лопатках, стискивая колени и задыхаясь от собственного стога. До боли закусила губу, сдерживая крик, предвкушая скорую разрядку...

Лука зачем-то выругался сквозь зубы, резко толкнул меня обратно на подушку. Придавил к постели локтём, пальцами второй руки прижался к лобку, вынуждая меня торопливо раздвинуть ноги...

Всего одно касание - точечное, плавное, набирающее силу и усиливающее давление сразу на всю промежность, заставляющее концентрироваться в моменте происходящего...

Сознание словно погрузилось в вакуум, тело перестало ощущаться как таковое. Из груди почему-то вырвался то ли всхлип, то ли смешок вместо выдоха...

Закричала в голос, содрогаясь в каком-то беспощадном болезненном спазме оргазма, почти выворачиваясь из сильных мужских рук... Замерла, повернувшись на бок...

Низ живота словно одеревенел, лишь остаточные будоражащие волны заставляли тело вздрагивать и тихо постанывать от отголосков пережитого удовольствия. Глаза открывать совсем не хотелось. Хотелось только глупо улыбаться и

накрыться наконец одеялом - перегретая кожа начала остывать, а это могло испортить момент блаженства...

Вяло мотнула головой, ощутив лёгкий хлопок по щеке. Послушно приоткрыла губы, пропуская в рот каменный член, слыша над головой шумный протяжный мужской стон. Попыталась даже погладить языком головку, обнять основание ладонью...

Не успела - Лука кончил слишком быстро, с силой удерживая мою безвольную голову в удобном ему положении. По горлу растёкся сладковатый специфический вкус спермы... Почти сразу хватка ослабла, во рту осталось только пряное послевкусие...

Улыбнулась, сквозь сон слушая обречённые вздохи и возню рядом - муж поправлял одежду, перекладывался на свою сторону кровати. Даже одёрнул моё одеяние, прикрыв голую задницу...

- Спокойной ночи.

Едва не рассмеялась вслух, натягивая повыше наброшенное мне на плечи одеяло.

- Спокойной ночи, муж. Спасибо...

Наверное, я не уснула, а мгновенно провалилась с головой в нереальное ощущение полного удовлетворения всем происходящим...



Дождь за окном и злил, и радовал одновременно. Злил тем, что сегодня с утра не было возможности даже выйти в магазин, прогуляться по улицам, посидеть на лавке между яблонь, беспечно бросив на стол пачку сигарет и поставив перед собой большую кружку кофе, пока детей и мужа нет дома... Как оказалось, это было вполне приятное времяпровождение для меня, хотя задумалась об этом я только сейчас, с тоской глядя сквозь чистое кухонное стекло на свинцовое небо и вымокший до основания двор. А радовала такая ситуация, понятное дело, тем фактом, что нынче можно забыть про осточертевший огород, забыть на необходимость поливать теплицы и вообще что-то делать на участке.

И настроение соответственно колебалось из крайности в крайность - хотелось зарыться в одеяло, поплакать над своей судьбой, потом навернуть каких-нибудь суши, выпить вина и просто залипнуть на каком-то случайном сериале, умиротворённо шмыгая носом и наслаждаясь неспешным течением своего существования... И как я прежде не ценила этого? С Глебом я нередко проводила дни в таком режиме, мысленно страдая от бесполезности собственного бытия, а теперь невыносимо тянуло вернуться в то время... Сейчас я бы не стала загоняться всякой ерундой! Я бы по полной отдыхала, наплевав на всё на свете...

Глеб.

Опустила глаза на телефон, лежавший на столе - да, я снова рискнула забрать его из кабинета Луки, но так и не включила. То ли боялась чего-то, то ли наоборот растягивала извращённое удовольствие...

Не хотелось обнаружить в нём ни мамины звонки, ни сообщения от Марьяшки. Не сегодня, по крайней мере. А вот от мужа... бывшего мужа... хотелось всего. И голосовых, и печатных, и пропущенных. Но ведь там наверняка ничего нет...

Устало протёрла лоб ладонью. Села на стул, придвинула к себе пачку, прикурила сигарету. Взяла в руки мобильник, нервно кусая губы, нажала заветную кнопку, сдерживая нетерпение и наблюдая за тем, как неторопливо оживает чёрный мёртвый экран, как появляется требование ввести пароль...

Затаила дыхание - несколько звонков от мамы, один вызов от подруги, больше десятка от дочери в разные дни...

Глеб!

Всего одно сообщение... Позавчера... Когда мы были в лесу...

Быстро смахнула заставку, жадно впиалась глазами в скудные строчки...

"Ну как ты там, мать? Жива? Фотку мне пришли хоть, посмотрю на тебя, дурочку", следом улыбающийся во весь рот смайлик...

Только сейчас выдохнула, откидываясь на спинку стула. Счастливо зажмурилась, мысленно благодаря Бога за эту дурацкую смс-ку. Затянулась наполовину истлевшей сигаретой, не пряча улыбку и лихорадочно придумывая достойный ответ...

В голове вихрем проносились варианты - жалобное "родной, скучаю по тебе", ехидное "милый мой, я жду, когда ты заберёшь меня отсюда", циничное "радость моя, давай уже прекратим этот фарс, простим друг другу все обиды и снова сойдёмся"...

Всё не то, да.

Реально попробовать сделать селфи?!

Выдохнула последнюю затяжку, затушила окурочек в пустое блюдце из-под сырников. Подняла глаза, прицельно осматривая кухню...

Задержалась взглядом на кирпичной печке в виде широкой колонны, занимавшей весь центр помещения. Пожалуй, около неё будет самый удачный ракурс - отсюда открывается шикарный вид из окна на аккуратный двор, сама печь выглядит как произведение искусства, профессиональная вытяжка напоминает картинку из глянцевого журнала, котелки на встроенных полочках сойдут за дизайнерские элементы декора... Отличное место, да. Попробовать?!

Встала, подошла к одному из углов. Быстро развязала узел давно сползшего с волос платка, скинула его подальше на тумбу. Слегка растрепала волосы, ставшие волнистыми по-

сле утренней косы, поправила лиф любимого голубого сарафана, соблазнительно приспустила одну лямку... Приняла наиболее эффектную позу, склонила голову, вытянула руку с телефоном, приторно улыбаясь в экран и пытаясь настроить камеру...

Из получившихся двух десятков снимков выбрала один, остальные предусмотрительно удалила. Полюбовалась на результат - здесь и улыбка казалась прямо-таки неземной и абсолютно смиренной, и глаза блестели как надо, и мимические морщины почти не обозначились, смягчённые удачно падающим светом, и ложбинка между грудей выглядела вполне пуш-апно...

Быстрым шагом вышла из кухни, пересекла коридор, толкнула дверь в спальню.

Нет, фотографировать иконы на стенах я не собиралась, но вот кровать...

Плюхнулась спиной на покрывало, разметала волосы, закинула руку за голову, сжав пальцы в кулак, чтобы скрыть отсутствие лака на ногтях, снова подняла телефон над собой, умильно и соблазнительно глядя в камеру...

Даже увлеклась в какой-то момент - когда я последний раз фотографировала себя для Глеба? Лет десять назад, наверное...

Вернулась на кухню, по пути выбрав самую удачную фотку из этой партии кадров. Устроилась на подоконнике, прикурила ещё одну сигарету...

"Я отлично, учусь быть примерной женой", следом подмигивающий смайлик.

Отправила.

Сделала ещё пару затяжек, нервно глядя на отправленное сообщение с двумя фотографиями.

Всё-таки написала вдогонку ещё одну смс-ку:

"Сам как? На работе переназначили этого вашего главного инженера наконец?"

Работа - нейтральная тема, так ведь? Да, безумно хочется спросить, как там Оксанка? Достаточно ли она бледная и страшная, блюёт ли прямо на пол от непрекращающегося токсикоза, как блевала я во время беременности? А ты... Ты, Глеб, также орёшь на неё матом, потому что заебался терпеть круглосуточную вонь в квартире, бесконечные бабские сопли и слабость, и открываешь окно в минус двадцать, чтобы было чем дышать? Или Оксаночка всё также цветёт и благоухает, и единственный минус её будущего материнства - лёгкое головокружение по утрам, а ты, ты, сука, каждый день за завтраком говоришь ей комплименты и убеждаешь в том, что безумно счастлив стать отцом, как я когда-то мечтала?

Горько усмехнулась собственным ассоциациям, вытерла скопившуюся в уголках глаз предательскую влагу.

Господи, Глеб... Сколько мы с тобой пережили вместе...

И ради чего?! Чтобы похерить это всё вот так? Чтобы я теперь жила здесь с тремя детьми, которых родила другая женщина, а ты там ждал второго малыша не со мной? Тогда

зачем это всё было нужно в своё время... Зачем? Лучшие годы жизни, планы, мечты жить до старости... Я никогда не думала, что ты сможешь вот так отказаться от меня...

Онлайн! Господи, он в сети и читает мои сообщения! Боже...

Слёзы высохли мгновенно, путанные мысли разлетелись по сторонам. Сердце ухнуло в пятки, снова безумно забилось где-то в горле...

Пишет! Пишет ответ...

"Привет! Ну выглядишь сносно, молодец" и палец вверх... Сносно?

Впрочем, в исполнении Глеба это практически реверанс, да. Особенно с учётом того, что Лука вообще ни разу в жизни не говорил мне комплиментов...

Снова пишет...

"Чем сейчас занимаешься? Муж-то где? А дети?"

Сердце сделало кульбит - первые серьёзные вопросы в мой адрес с тех пор, как мы расстались... Ему правда интересно, чем я занимаюсь в данный момент?! Господи, спасибо...

"Ничем. У нас дождь льёт. Муж на работе, дети в школьном лагере, они там с утра до вечера"

Глеб снова практически сразу принялся печатать...

Он реально готов к диалогу со мной?! Это что-то невероятное...

"Одна значит" и хитрая улыбающаяся рожица.

Сразу следом ещё одно сообщение:

"И там не работаешь значит, тунеядствуешь" и подмигивающий смайл...

Улыбнулась этой старой забытой шутке, чувствуя, как в груди топит теплом. Прислонилась виском к откосу, также быстро набирая ответ:

"Тут женщины редко трудоустроены, зато работы по дому знаешь сколько?" и грустная мордашка.

"В город-то не планируешь вернуться, Снеж?"

Закусила губу, испытав за эти пять минут весь спектр эмоций от подавленности до эйфории и обратно.

"Что мне там делать?"

"Как что? Жить, дурёха"

Глеб продолжил печатать, через пару секунд прилетело ещё одно сообщение:

"Разменяем квартиру, тебе большая часть денег достанется, на элитную однушку точно хватит, устроишься работать, я помогу в случае чего"

До боли закусила губу, читая эти жестокие строки. Ни намёка на то, чтобы возобновить отношения...

Господи, Глеб, ну почему? Может, ты просто не знаешь, как это осуществить? Как вернуть всё на круги своя? Ты только намекни, я сама всё сделаю! Никогда не упрекну, не вспомню. Даже... даже не буду против алиментов этой твоей... Оксане...

Отложила телефон в сторону. Уткнулась лбом в собственный локоть, заревела взахлёб, прекрасно понимая, что это

всё только мечты.

Но ведь всякое в жизни бывает, верно? Может, сейчас подобное маловероятно, но потом, позже... Через год-два... Ну может же такое быть, правда? Возвращаются же мужья к бывшим жёнам? Господи, пожалуйста, пусть это будет и наш случай...

Шмыгнула носом, утирая сопли тыльной стороной ладони. Снова взяла в руки телефон.

"Я подумаю над таким раскладом, но мне и здесь неплохо"  
Отправила...

Прислонилась затылком к откосу, устремив невидящий взгляд в окно...

А что я ещё напишу? Что медленно, но верно схожу с ума в этой деревне? Что от тоски по прежней жизни лезу на стены? Что ненавижу здесь каждый камень? Что его щедрое предложение исполосовало мне всю душу?

Он же даже не ревнует меня к Луке... Я так надеялась, что наличие другого мужика в моей биографии станет для бывшего мужа триггером и заставит его посмотреть иначе на наш разрыв. Верила в глубине души, что ему не всё равно, что для него это будет хоть в половину так же мучительно, как для меня! Даже переживала о том, что Глеб никогда не сможет простить меня после того, как я переспала с другим...

А ему просто всё равно. Будто я для него и правда совсем чужая...

"Подумай, Снеж. Зачем себе жизнь портить? Родня на



ушах, дочь места себе не находит"

Да блять! Сказала же, что подумаю!

Родня, дочь... А ты?!

"Не дави, Глеб"

"Даже не собирался! Но ты сама подумай, как это выглядит со стороны"

Да ладно?! А как со стороны выглядит то, что ты бросил меня после стольких лет, прожитых вместе? Как выглядит то, что ты скоро станешь отцом? Как выглядит вообще всё то, что происходит между нами? Как, блять?!

Начала что-то печатать... Стёрла.

Размазала по щекам вновь проступившие слёзы, прикурила очередную сигарету.

Ещё раз попыталась написать что-нибудь вразумительное... Снова удалила.

Как назло Глеб ждал моего ответа - упрямо сидел в сети, явно отмечая мои неудавшиеся попытки оправдаться. Господи, вышел бы уже из онлайна и топал бы к своей Оксанке...

"Давай я сама буду решать, что мне делать, ок? Сказала подумаю, значит подумаю. Пока"

Отправила.

Выдохнула.

Выключила мобильник...

Тут же вновь залилась слезами...

А если бы я так и жила там, в городе, Глеб начал бы со мной общаться? Если бы бухала каждый день на его деньги,

просил бы он прислать фото? Что-то мне подсказывает, что вряд ли. Так и гасился бы от меня всеми возможными способами...

Господи, ну за что мне это всё...

Выдержала не больше пяти минут, стеной на весь дом и проклиная собственную жизнь. Всё-таки снова включила телефон - просто посмотреть, попрощался ли Глеб...

Попрощался, да.

"Снеж, я как лучше хочу. Для тебя в первую очередь. Конечно решай сама, если помощь понадобится, пиши. Не злись там, эй" и всё тот же жизнеутверждающий подмигивающий смайлик...

Перечитала сообщение несколько раз, недоверчиво хлопая глазами.

Рассмеялась сквозь слёзы, боясь поверить в то, что муж не психанул на моё последнее достаточно грубое послание, а будто бы наоборот, даже поддержал меня что ли. Точнее, бывший муж, да...

Хороший мой... Ну ведь можешь же по-человечески, когда хочешь!

Утёрла слёзы валявшимся поблизости платком. Снова выключила мобильник, на этот раз уже насовсем, чтобы отнести его в кабинет Луки.

На сердце стало несоизмеримо легче. Нет, в глубине души я прекрасно знала, что это очередная манипуляция со стороны Глеба, что его отношение ко мне вряд ли сильно изме-

нилось за столь короткое время, что всё это так называемое беспокойство обо мне - не более чем удобная формулировка, необходимая для моего возвращения. Да и само возвращение ему нужно лишь с одной целью - самому избавиться от дискомфорта совести, от наседающих родственников, от определённой вины перед дочерью. Ведь и дураку понятно, что бывшая жена съехала с катушек на почве развода, и слышать это со всех сторон ему явно неприятно. А так он вернёт меня в нормальную жизнь, будет частично опекать и помогать, благодаря чему станет героем в глазах Марьяны и моих родителей - шикарный исход сложившейся ситуации.

Но иногда так приятно поплавать в облаках...

К тому же, интерес ко мне лично у него тоже появился, пусть и минимальный. Возможно, если я всё сделаю правильно, у нас ещё будет шанс на совместное будущее когда-нибудь...

Спрыгнула с подоконника. Торопливо отнесла телефон на место, вернулась в кухню. В приподнято-истеричном настроении принялась чистить картошку - по плану сегодня на обед пюре с котлетами...

## \*10\*

Воспоминания о Глебе пришлось затолкать в самый застенок души - стыдно перед Лукой почему-то. Не явно, чтобы мучиться угрызениями совести, но достаточно, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке...

- Привет, - я прислонила мокрый зонт к столу, оглянулась на немногочисленных рабочих, оставшихся в цеху или уже вернувшихся с обеда.

- День добрый, - Лука задержал на мне нечитаемый взгляд исподлобья, вытирая руки куском ветоши. - Промокла вся, - констатировал факт, отворачиваясь и смахивая металлическую стружку этой же тряпкой с угла верстака, за которым, видимо, собирался трапезничать. - Сюда сумку ставь.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.